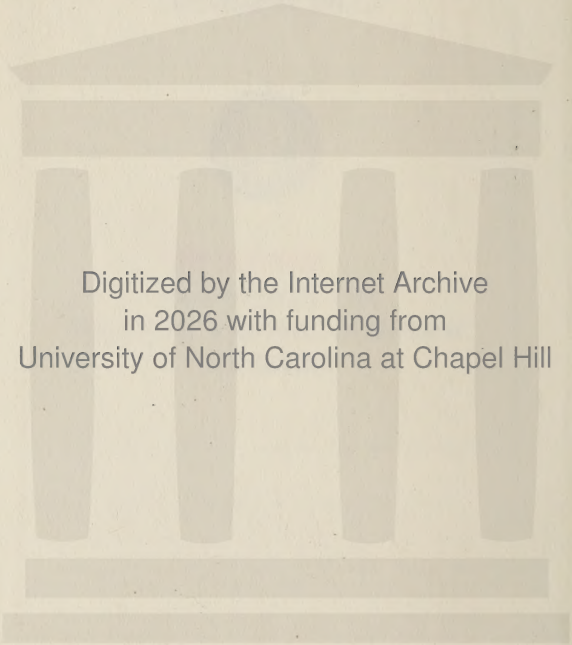
Blok, Aleksandr
Aleksandrovich,
Liricheskiia dramy /

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Wilson Annex
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00016528580


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/liricheskiadramy00blok

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ЛИРИЧЕСКІЯ ДРАМЫ.

БАЛАГАНЧИКЪ.
КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.
НЕЗНАКОМКА.

Bibliothèque Russe
Tourguenoff.
Русская Тургеневская Библіотека

Wilson Annex
PG3453
.B6
L47
1908

„МУЗЫКА КЪ БАЛАГАНЧИКУ“.

М. А. КУЗМИНА.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ К. А. СОМОВА.

LIRICHESKIÎA DRAMY

N 488

Изд. „ШИПОВНИКЪ“ С.П.Б.
1908.

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Типо-Литографія „Печатное Искусство“. Невскій 140-2.

Bibliothèque Russe
Tourguenoff.
228, Rue St.-Jacques, 28.
Русская Тургеневская Библіотека

СОДЕРЖАНІЕ

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ.	7.
БАЛАГАНЧИКЪ.	13.
КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.	39.
НЕЗНАКОМКА.	113.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEFF

ПРЕДИСЛОВІЕ.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEFF

Въ заголовкѣ этой книги я подчеркнулъ слово лирическія драмы.

Лирика не принадлежитъ къ тѣмъ областямъ художественнаго творчества, которыя учатъ жизни. Въ лирикѣ закрѣпляются переживанія души, въ наше время, по необходимости, уединенной. Переживанія эти, обыкновенно, сложны, хаотичны; чтобы разобраться въ нихъ, нужно самому быть „немножко въ этомъ родѣ". Но и разобравшійся въ сложныхъ переживаніяхъ современной души не можетъ похвастаться, что стоитъ на твердомъ пути. Между тѣмъ, всякій читатель, особенно русскій, всегда ждалъ и ждетъ отъ литературы указаній жизненнаго пути. Въ современной литературѣ лирическій элементъ, кажется, самый могущественный; онъ преобладаетъ не только въ чистой поэзіи, гдѣ ему и подобаетъ преобладать, но и въ разсказѣ, и въ

теоретическомъ разсужденіи и, наконецъ, въ драмѣ. Вотъ почему, мнѣ кажется, читатели рѣзко дѣлятся на два лагеря: на бѣгущихъ отъ лирики и проклинающихъ ее—и на заколдованныхъ лирикой.

Лирика преподноситъ въ изящныхъ и многообразныхъ формахъ все богатство утонченныхъ и разрозненныхъ переживаній. Самое большее что можетъ сдѣлать лирика,—это обогатить душу и усложнить переживанія; она даже далеко не всегда обостряетъ ихъ, иногда, наоборотъ, притупляетъ, загромождая душу невообразимымъ хаосомъ и сложностью. Идеальный лирическій поэтъ—это сложный инструментъ, одинаково воспроизводящій самыя противоположныя переживанія. А вся сложность современной души, богатой впечатлѣніями исторіи и дѣйствительности, разслабленной сомнѣніями и противорѣчіями, страдающей долго и томительно, когда она страдаетъ, пляшущей, фиглярничающей и кощунствующей, когда она радуется,—души, забывшей вольныя смертныя муки и вольныя живыя радости,—развѣ можно описать всю эту сложность?

Имѣя все это въ виду, я считаю необходимымъ оговорить, что три маленькія драмы, предлагаемыя вниманію читателя, суть драмы л и р и ческія, т.-е., такія, въ которыхъ переживанія отдѣльной души, сомнѣнія, страсти, неудачи, паде-

нія,—только представлены въ драматической формѣ. Никакихъ идейныхъ, моральныхъ или иныхъ выводовъ я здѣсь не дѣлаю.

Всѣ три драмы связаны между собою единствомъ основного типа и его стремленій. Каррикатурно неудачливый Пьеро въ Балаганчикѣ, нравственно слабый Поэтъ въ Королѣ на площади, и другой Поэтъ, размечтавшійся, захмѣлѣвшій и прозѣвавшій свою мечту въ Незнакомкѣ,—все это, какъ бы, разныя стороны души одного человѣка; также одинаковы стремленія этихъ трехъ: всѣ они ищутъ жизни прекрасной, свободной и свѣтлой, которая одна можетъ свалить съ ихъ слабыхъ плечъ непосильное бремя лирическихъ сомнѣній и противорѣчій и разогнать назойливыхъ и призрачныхъ двойниковъ. Для всѣхъ трехъ прекрасная жизнь есть воплощеніе образа Вѣчной Женственности для одного—Коломбина, свѣтлая невѣста, которую только больное и дурацкое воображеніе Пьеро превратило въ „картонную невѣсту"; для другого—Дочь Зодчаго, красавица, лелѣющая библейскую мечту и погибающая вмѣстѣ съ Поэтомъ; для третьяго—Незнакомка, звѣзда, павшая съ неба и воплотившаяся лишь для того, чтобы опять исчезнуть, оставивъ въ дуракахъ Поэта и Звѣздочета.

Сверхъ этого, всѣ три драмы объединены на-

смѣшливымъ тономъ, который, быть можетъ, роднитъ ихъ съ романтизмомъ, съ тою „трансцендентальной ироніей“, о которой говорили романтики.

Уже самое техническое несовершенство этихъ первыхъ моихъ опытовъ въ драматическомъ родѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что ни одна изъ трехъ пьесъ не предназначалась для сцены. Идеальной постановкой маленькой феерiи Балаганчика я обязанъ В. Э. Мейерхольду, его труппѣ, М. А. Кузмину и Н. Н. Сапунову.

Всѣ три пьесы уже были напечатаны ранѣе: Балаганчикъ въ „Факелахъ“ (книга I), Король на площади въ „Золотомъ Руномъ“ (№ 4 1907 г.), Незнакомка въ „Вѣсахъ“ (№ 5—6—7 1907 г.). Несмотря на крупные техническіе недочеты, я рѣшаюсь собрать ихъ въ отдѣльную книгу: мнѣ кажется, здѣсь нашелъ себѣ нѣкоторое выраженіе духъ современности, то горнило паденій и противорѣчій, сквозь которое душа современнаго человѣка идетъ къ своему обновленію.

Иного значенія я не придаю ни одной изъ моихъ лирическихъ драмъ.

Александръ Блокъ.

Августъ 1907.
с. Шахматово
Московской губ.

БАЛАГАНЧИКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КОЛОМБИНА.

ПЬЕРО.

АРЛЕКИНЪ.

МИСТИКИ обоего пола въ сюртукахъ и модныхъ платьяхъ, а потомъ въ маскахъ и маскарадныхъ костюмахъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ МИСТИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

ТРИ ПАРЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

ПАЯЦЪ.

АВТОРЪ.

Обыкновенная театральная комната съ тремя стѣнами окномъ и дверью.

У освѣщеннаго стола съ сосредоточеннымъ видомъ сидятъ мистики обоего пола—въ сюртукахъ и модныхъ платьяхъ. Нѣсколько поодаль у окна сидитъ Пьеро въ бѣломъ балахонѣ, мечтательный, разстроенный, блѣдный безусый и безбровый, какъ всѣ Пьеро.

Мистики нѣкоторое время молчатъ.

Первый мистикъ.

Ты слушаешь?

Второй мистикъ.

Да.

Третій мистикъ.

Наступитъ событіе.

Пьеро.

О, вѣчный ужасъ, вѣчный мракъ!

Первый мистикъ.

Ты ждешь?

Второй мистикъ.

Я жду.

Третій мистикъ.

Ужъ близко прибытіе:
За окномъ намъ вѣтеръ подалъ знакъ.

Пьеро.

Невѣрная! Гдѣ ты? Сквозь улицы сонныя
Протянулась длинная цѣпь фонарей,
И, пара за парой, идутъ влюбленные,
Согрѣтые свѣтомъ любви своей.
Гдѣ же ты? Отчего за послѣдней парою—
Не вступить и намъ въ назначенный кругъ?
Я пойду бренчать печальной гитарою
Подъ окно, гдѣ ты пляшешь въ хорѣ подругъ?
Нарумяню лицо мое, лунное, блѣдное,
Нарисую брови и усы приклею.
Слышишь ты, Коломбина, какъ сердце бѣдное
Тянетъ, тянетъ—грустную пѣсню свою?

Пьеро оживился и размечтался. Но изъ-за занавѣса сбоку вылѣзаетъ обезпокоенный авторъ.

Авторъ.

Что онъ говоритъ? Почтеннѣйшая публика! Спѣшу увѣрить, что этотъ актеръ жестоко насмѣялся надъ моими авторскими правами. Дѣйствіе происходитъ зимой въ Петербургѣ. Откуда же онъ взялъ окно и гитару? Я писалъ мою драму не для балагана... Увѣряю васъ...

Внезапно застыдившись своего неожиданнаго появленія, прячется обратно за занавѣсъ.

Пьеро.

(Онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на автора. Сидитъ и мечтательно вздыхаетъ).

Коломбина!

Первый мистикъ.

Ты слушаешь?

Второй мистикъ.

Да.

Третій мистикъ.

Приближается дѣва изъ дальней страны.

Первый мистикъ.

О, какъ мраморъ,—черты!

Второй мистикъ.

О, въ очахъ—пустота!

Третій мистикъ.

О, какой чистоты и какой бѣлизны!

Первый мистикъ.

Подойдетъ—и мгновенно замрутъ голоса.

Второй мистикъ.

Да. Молчанье наступитъ.

Третій мистикъ.

Надолго-ли?

Первый мистикъ.

Да.

Второй мистикъ.

Вся бѣла, какъ снѣга.

Третій мистикъ.

За плечами—коса.

Первый мистикъ.

Кто-жъ она?

(Второй наклоняется и что-то шепчетъ на ухо первому).

Второй мистикъ.

Ты не выдашь меня?

Первый мистикъ

(въ неподдѣльномъ ужасѣ:)

Никогда!

Авторъ опять испуганно высовывается, но быстро исчезаетъ, какъ будто его оттянулъ кто-то сзади за фалды.

Пьеро.

(по прежнему, мечтательно).

Коломбина! Приди!

Первый мистикъ.

Тише! Слышишь шаги?

Второй мистикъ.

Слышу шелестъ и вздохи.

Третій мистикъ.

О, кто среди насъ?

Первый мистикъ.

Кто въ окнѣ?

Второй мистикъ.

Кто за дверью?

Третій мистикъ.

Не видно ни зги.

Первый мистикъ.

Посвѣти. Не она ли пришла въ этотъ часъ?
(Второй мистикъ поднимаетъ свѣчу).

Совершенно неожиданно и непонятно откуда-то появляется у стола необыкновенно красивая дѣвушка съ простымъ и тихимъ лицомъ матовой бѣлизны. Она въ бѣломъ. Равнодушенъ взоръ спокойныхъ глазъ. За плечами лежитъ заплетенная коса.

Дѣвушка стоитъ неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колѣни. Замѣтно, что слезы душатъ его. Все для него—неизреченно.

Мистики въ ужасѣ откинулись на спинки стульевъ. У одного безпомощно болтается нога. Другой производитъ странныя движенія рукой. Третій выкатилъ глаза. Черезъ нѣкоторое время очнувшись, громко шепчутъ:

— Прибыла!

— Какъ бѣла ея одежда!

— Пустота въ глазахъ ея!

— Черты блѣдны, какъ мраморъ!

— За плечами коса!

— Это—смерть!

Пьеро услыхалъ. Медленно поднявшись, онъ подходитъ къ дѣвушкѣ, беретъ ее за руку и выводитъ на середину сцены. Онъ говоритъ голосомъ звонкимъ и радостнымъ, какъ первый ударъ колокола.

Господа! Вы ошибаетесь! Это—Коломбина!

Это—моя невѣста!

Общій ужасъ. Руки всплеснулись. Фалды сюртуковъ раскачиваются. Предсѣдатель собранія торжественно подходитъ къ Пьеро.

Предсѣдатель.

Вы съ ума сошли. Весь вечеръ мы ждали событій. Мы дождались. Она пришла къ намъ—тихая избавительница. Насъ посѣтила смерть.

Пьеро.

(совсѣмъ звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ:)
Я не слушаю сказокъ. Я—простой человѣкъ.
Вы не обманете меня. Это—Коломбина.
Это—моя невѣста.

Предсѣдатель.

Господа! Нашъ бѣдный другъ сошелъ съ ума отъ страха. Онъ никогда не думалъ о томъ, къ чему мы готовились всю жизнь. Онъ не измѣрилъ глубинъ и не приготовился встрѣтить покорно Блѣдную Подругу въ послѣдній часъ. Простимъ великодушно простеца. (Обращается къ Пьеро) Братъ, тебѣ нельзя оставаться здѣсь. Ты помѣшаешь нашей послѣдней вечерѣ. Но, прошу тебя, вглядись еще разъ въ ея черты: ты видишь, какъ бѣла ея одежда; и какая блѣдность въ чертахъ; о, она бѣла какъ снѣга на вершинахъ! Очи ея отражаютъ зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

Пьеро.

(по блѣдному лицу бродитъ растерянная улыбка).

Я ухожу. Или вы правы,—и я—несчастный сумасшедшій. Или вы сошли съ ума—и я одинокій, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицамъ! О, вѣчный ужасъ! Вѣчный мракъ!

Коломбина

(идетъ къ выходу вслѣдъ за Пьеро).

Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерянъ. Предсѣдатель умоляюще складываетъ руки.

Предсѣдатель:

Легкій призракъ! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай насъ!

Появляется стройный юноша въ платьѣ Арлекина. На немъ серебристыми голосами поютъ бубенцы.

Арлекинъ

(подходитъ къ Коломбинѣ:)

Жду тебя на распутьяхъ, подруга,
Въ сѣрыхъ сумеркахъ зимняго дня!
Надъ тобою поетъ моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Онъ кладетъ руку на плечо Пьеро.—Пьеро свалился навзничь и лежитъ безъ движенія въ бѣломъ балахонѣ. Арлекинъ уводитъ Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общій упадокъ настроенія. Всѣ безжизненно повисли на стульяхъ. Рукава сюртуковъ вытянулись и закрыли кисти рукъ, будто рукъ и не было. Головы ушли въ воротники. Кажется, на стульяхъ висятъ пустые сюртуки.

Вдругъ Пьеро вскочилъ и убѣжалъ. Занавѣсъ сдвигается. Въ ту же минуту на подмостки передъ занавѣсъ выскакиваетъ взъерошенный и взволнованный авторъ.

Авторъ.

Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь передъ вами, но снимаю съ себя всякую отвѣтственность! Надо мной издѣваются. Я писалъ реальнѣйшую пьесу, сущность которой считаю долгомъ изложить передъ вами въ немногихъ словахъ: дѣло идетъ о взаимной любви двухъ юныхъ душъ! Имъ преграждаетъ путь третье лицо: но преграды наконецъ падаютъ, и любящіе навѣки соединяются законнымъ бракомъ! Я никогда не рядилъ моихъ героевъ въ шутовское платье! Они безъ моего вѣдома разыгрываютъ какую-то старую легенду! Я не признаю никакихъ, легендъ, никакихъ миѳовъ и прочихъ пошло-

стей! Тѣмъ болѣе—аллегорической игры словами: неприлично называть косой смерти женскую косу! Это порочитъ дамское сословіе! Милостивые государи...

Высунувшаяся изъ-за занавѣса рука хватаетъ автора за шиворотъ. Онъ съ крикомъ исчезаетъ за кулисой. Занавѣсъ быстро раздергивается.

Балъ. Маски кружатся подъ тихіе звуки танца. Среди нихъ прогуливаются другія маски, рыцари, дамы, паяцы.

Грустный Пьеро сидитъ среди сцены на той скамьѣ, гдѣ обыкновенно цѣлуются Венера и Тангейзеръ.

Пьеро.

Я стоялъ межъ двумя фонарями
И слушалъ ихъ голоса,
Какъ шептались, закрывшись плащами,
Цѣловала ихъ ночь въ глаза.

И свила серебристая вьюга
Имъ вѣнчальный перстень-кольцо.
И я видѣлъ сквозь ночь—подруга
Улыбнулась ему въ лицо.

Ахъ, тогда въ извощичьи сани
Онъ подругу мою усадилъ.
Я бродилъ въ морозномъ туманѣ,
Издали за ними слѣдилъ.

Ахъ, сѣтями ее онъ опуталъ
И, смѣясь, звенѣлъ бубенцомъ!
Но, когда онъ ее закуталъ,—
Ахъ, подруга свалилась ничкомъ!

Онъ ее ничѣмъ не обидѣлъ,
Но подруга упала въ снѣгъ!
Не могла удержаться, сидя!..
Я не могъ сдержать свой смѣхъ!..

И, подъ пляску морозныхъ иголъ,
Вкругъ подруги картонной моей—
Онъ звенѣлъ и высоко прыгалъ,
Я за нимъ плясалъ вкругъ саней!

И мы пѣли на улицѣ сонной:
— „Ахъ, какая стряслась бѣда!“
А вверху—надъ подругой картонной—
Высоко зеленѣла звѣзда.

И всю ночь по улицамъ снѣжнымъ
Мы брели—Арлекинъ и Пьеро...
Онъ прижался ко мнѣ такъ нѣжно,
Щекотало мнѣ носъ перо!

Онъ шепталъ мнѣ:—„Братъ мой, мы вмѣстѣ,
Неразлучны на много дней...
Погрустимъ съ тобой о невѣстѣ,
О картонной невѣстѣ твоей!

Пьеро грустно удаляется.

Черезъ нѣкоторое время на той же скамьѣ обнаруживается первая пара влюбленныхъ. Онъ въ голубомъ, она въ розовомъ, маски—цвѣта одеждъ. Они вообразили себя въ церкви и смотрятъ вверхъ, въ купола.

Она.

Милый, ты шепчешь—„склонись...“
Я, лицомъ опрокинута, въ куполъ смотрю.

Онъ.

Я смотрю въ непомѣрную высь—
Тамъ, гдѣ куполъ вечернюю принялъ зарю.

Она.

Какъ вверху позолота ветха.
Какъ мерцаютъ вверху образа.

Онъ.

Наша сонная повѣсть тиха.
Ты безгрѣшно закрыла глаза.
Поцѣлуй.

Она.

...Кто-то темный стоитъ у колонны
И мигаетъ лукавымъ зрачкомъ!
Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоимъ плащомъ!
Молчаніе.

Онъ.

Посмотри, какъ тихи свѣчи.
Какъ заря въ куполахъ занялась.

Она.

Да. Съ тобою сладки намъ встрѣчи.
Пусть я сама тебѣ предалась.

Прижимается къ нему.

Первую пару скрываетъ отъ зрителей тихій танецъ масокъ и паяцовъ.

Въ средину танца врывается вторая пара влюбленныхъ. Впереди—она въ черной маскѣ и вьющемся красномъ плащѣ. Позади—онъ—весь въ черномъ, гибкій, въ красной маскѣ и черномъ плащѣ. Движенія стремительны.

Онъ гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

Онъ.

Оставь меня! Не мучь, не преслѣдуй!
Участи темной мнѣ не пророчь!
Ты торжествуешь свою побѣду!
Снимаешь ли маску? Канешь ли въ ночь?

Она.

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстнѣй и грустнѣй невѣсты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубокъ мой темный до дна испей!

Онъ.

Я клялся въ страстной любви—другой!
Ты мнѣ сверкнула огненнымъ взглядомъ,
Ты завела въ переулокъ глухой,
Ты отравила смертельнымъ ядомъ!

Она.

Не я манила,—плащъ мой летѣлъ
Вихремъ за мной,—мой огненный другъ!
Ты самъ вступить захотѣлъ
Въ мой очарованный кругъ!

Онъ.

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безликъ!
Ты смела мнѣ черты, завела во тьму,
Гдѣ кивалъ, кивалъ мнѣ—черный двойникъ!

Она.

Я—вольная дѣва! Путь мой—къ побѣдамъ!
Иди за мной, куда я веду!

О, ты пойдешь за огненнымъ слѣдомъ
И будешь со мной въ бреду!

Онъ.

Иду, покоренъ участи строгой,
О, вейся, плащъ, огневой проводникъ!
Но трое пойдутъ зловѣщей дорогой:
Ты—и я—и мой двойникъ!

Исчезаютъ въ вихрѣ плащей. Кажется, за ними вырвался изъ толпы кто-то третій, совершенно подобный влюбленному, весь,—какъ гибкій языкъ чернаго пламени.

Въ средѣ танцующихъ обнаружилась третья пара влюбленныхъ. Они сидятъ посреди сцены.

Средневѣковье. Задумчиво склонившись, она слѣдитъ за его движеніемъ. Онъ—весь въ строгихъ прямыхъ линіяхъ,—большой и задумчивый, въ картонномъ шлемѣ—чертитъ передъ ней на полу кругъ огромнымъ деревяннымъ мечемъ.

Онъ.

Вы понимаете пьесу, въ которой мы играемъ не послѣднюю роль?

Она.

(какъ тихое и внятное эхо).

Роль.

Онъ.

Вы знаете, что маски сдѣлали нашу сегодняшнюю встрѣчу чудесной?

Она.

Чудесной.

Онъ.

Такъ Вы вѣрите мнѣ? О, сегодня Вы прекраснѣй, чѣмъ всегда.

Она.

Всегда.

Онъ.

Вы знаете все, что было и что будетъ. Вы поняли значеніе начертаннаго здѣсь круга.

Она.

Круга.

Онъ.

О, какъ плѣнительны Ваши рѣчи! Разгадчица души моей! Какъ много Ваши слова говорятъ моему сердцу.

Она.

Сердцу.

Онъ.

О, Вѣчное Счастье! Вѣчное Счастье!

Она.

Счастье.

Онъ.

(со вздохомъ облегченія и торжества).

Близокъ день. На исходѣ — эта зловѣщая ночь.

Она.

Ночь.

Въ эту минуту одному изъ паяцовъ пришло въ голову выкинуть штуку. Онъ подбѣгаетъ къ влюбленному и показываетъ ему длинный языкъ. Влюбленный бьетъ съ размаху паяца по головѣ тяжкимъ деревяннымъ мечомъ. Паяцъ перегнулся черезъ рампу и повисъ. Изъ головы его брыжжетъ струя клюквеннаго сока.

Паяцъ

(пронзительно кричитъ):

Помогите!

Истекаю клюквеннымъ сокомъ!

Поболтавшись, удаляется.

Шумъ. Суматоха. Веселые крики:—„Факелы! Факелы! Факельное шествіе!“ Появляется хоръ съ факелами. Маски толпятся, смѣются, прыгаютъ.

Хоръ.

Въ сумракъ—за каплей капля смолы
Падаетъ съ легкимъ трескомъ!
Лица, скрытыя облакомъ мглы,
Озаряются тусклымъ блескомъ!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Гдѣ ты, сверкающій, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекинъ выступаетъ изъ хора, какъ коріфей.

Арлекинъ.

По улицамъ соннымъ и снѣжнымъ
Я таскалъ глупца за собой.
Міръ открылся очамъ мятежнымъ,
Снѣжный вѣтеръ пѣлъ надо мной!
О, какъ хотѣлось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти въ міръ!
Совершить въ пустомъ безлюдьи
Мой веселый весенній пиръ!
Здѣсь никто понять не смѣетъ,
Что весна плыветъ въ вышинѣ!
Здѣсь никто любить не умѣетъ,
Здѣсь живутъ въ печальномъ снѣ!
Здравствуй, міръ! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мнѣ давно!
Иду дышать твоей весною
Въ твое золотое окно!

Прыгаетъ въ окно. Даль, видимая въ окнѣ, оказывается нарисованной на бумагѣ. Бумага лопнула.

Арлекинъ полетѣлъ вверхъ ногами въ пустоту.

Въ бумажномъ разрывѣ видно одно свѣтлѣющее небо. Ночь истекаетъ, копошится утро. На фонѣ занимающейся зари стоитъ, чуть колеблемая доразсвѣтнымъ вѣтромъ,—Смерть въ длинныхъ бѣлыхъ пеленахъ, съ матовымъ женственнымъ лицомъ и съ косой на плечѣ. Лезвіе серебрится, какъ опрокинутый мѣсяцъ, умирающій утромъ.

Всѣ бросились въ ужасѣ въ разныя стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный мечъ. Дамы разроняли цвѣты по всей сценѣ. Маски, неподвижно прижавшіяся, какъ бы распятыя, у стѣнъ, кажутся куклами изъ этнографическаго музея. Любовницы спрятали лица въ плащи любовниковъ. Профиль голубой маски тонко вырѣзывается на утреннемъ небѣ. У ногъ его испуганная, колѣнопреклоненная розовая маска прижалась къ его рукѣ губами.

Какъ изъ земли выросшій Пьеро медленно движется черезъ всю сцену, простирая руки къ Смерти. По мѣрѣ его приближенія, черты Ея начинаютъ оживать. Румянецъ заигралъ на мато-

вости щекъ. Серебрянная коса теряется въ поднимающемся, стелющемся утреннемъ туманѣ. На фонѣ зари, въ нишѣ окна, стоитъ съ тихой улыбкой на спокойномъ лицѣ красивая дѣвушка—Коломбина.

Въ ту минуту, какъ Пьеро подходитъ и хочетъ коснуться ея руки своей рукой,—между нимъ и Коломбиной просовывается торжествующая голова автора.

Авторъ.

Почтеннѣйшая публика! Дѣло мое не проиграно! Права мои возстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этотъ господинъ провалился въ окошко! Вамъ остается быть свидѣтелями счастливаго свиданія двухъ влюбленныхъ послѣ долгой разлуки! Если они потратили много силъ на преодолѣніе препятствій,—то теперь зато они соединяются навѣкъ!

Авторъ хочетъ соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно всѣ декораціи взвиваются и улетаютъ вверхъ. Маски разбѣгаются.

Авторъ оказывается склоненнымъ надъ однимъ только Пьеро, который безпомощно лежитъ на пустой сценѣ въ бѣломъ балахонѣ своемъ съ красными пуговицами.

Замѣтивъ свое положеніе, авторъ убѣгаетъ стремительно.

Пьеро

(приподнимается и говоритъ жалобно и мечтательно:)

Куда ты завелъ? Какъ угадать?
Ты предалъ меня коварной судьбѣ.
Бѣдняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невѣсту себѣ.

Помолчавъ:

Ахъ, какъ свѣтла—та, что ушла,
(Звенящій товарищъ ее увелъ).
Упала она (изъ картона была).
А я надъ ней смѣяться пришелъ,
Она лежала ничкомъ и бѣла.
Ахъ, наша пляска была весела!
А встать она ужъ никакъ не могла:
Она картонной невѣстой была.
И вотъ, стою я, блѣденъ лицомъ,
Но вамъ надо мной смѣяться грѣшно.
Что дѣлать! Она упала ничкомъ...
Мнѣ очень грустно. А вамъ смѣшно?

Пьеро задумчиво вынулъ изъ кармана дудочку и заигралъ пѣсню о своемъ блѣдномъ лицѣ, о тяжелой жизни и о невѣстѣ своей Коломбинѣ.

1906.

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КОРОЛЬ на терассѣ дворца.

ЗОДЧІЙ—старикъ въ широкихъ и темныхъ одеждахъ. Чертами лица и сѣдинами онъ напоминаетъ Короля.

ДОЧЬ ЗОДЧАГО—высокая красавица въ черныхъ шелкахъ.

ПОЭТЪ—красивый юноша, руководимый Зодчимъ на путяхъ своихъ и влюбленный въ его Дочь.

ШУТЪ—прихлебатель сцены и представитель здраваго смысла, онъ же—ПРОЛОГЪ. Въ крайнихъ случаяхъ онъ прикрываетъ свое красное, расшитое золотомъ брюхо—священнической рясой.

ЮНОША и ДѢВУШКА—влюбленные.

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ—костлявый разрушитель, похожій на ночную птицу.

ТРОЕ НЕИЗВѢСТНЫХЪ: ПЕРВЫЙ—зачинатель разрушенія; ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ—его сообщники.

ПРОДАВЩИЦА РОЗЪ.

ДВОЕ ДРУЗЕЙ изъ толпы.

Рабочіе, франты, фланирующіе, нищіе, люди съ факелами, голоса въ толпѣ.

СЛУХИ—маленькіе красные мальчики, шныряющіе въ городской пыли.

Городская площадь. Весь задній планъ занятъ бѣлымъ фасадомъ дворца съ высокой и широкой терассой; на массивномъ тронѣ—гигантскій Король. Корона покрываетъ зеленыя, древнія кудри, струящіяся надъ спокойнымъ лицомъ. Лицо изборождено глубокими морщинами. Тонкія руки лежатъ на ручкахъ трона. Вся поза—величавая. Въ самомъ низу—у рампы—подъ высокимъ парапетомъ набережной — скамья; къ ней съ двухъ сторонъ спускаются лѣстницы. Скамья на берегу моря, которое узкой полосой подходитъ издали, слѣва огибая мысъ съ площадью и дворцомъ, и сливается съ оркестромъ и театромъ, такъ что сцена представляетъ изъ себя только островъ — случайный пріютъ для дѣйствующихъ лицъ.

Солнце не взошло еще. Почти въ полномъ мракѣ. Шутъ ввидѣ Пролога подплываетъ съ моря, привязываетъ свою лодку у берега, вынимаетъ изъ нея удочку и узелокъ и садится отдохнуть на скамью.

Шутъ.

Еще и солнцу лѣнь свѣтиться,
А я—на берегу.
Свѣтила могутъ не трудиться,
А я вотъ—не могу.

Но я безъ нихъ нашелъ дорогу
И вотъ приплылъ сюда,

Чтобъ здравостью своей немного
Смягчить васъ, господа.

Вотъ здѣсь—дворецъ на темномъ фонѣ,
И на терассѣ—тронъ.
Король,—какъ видите, въ коронѣ,
И старъ и удрученъ.

Передъ дворцомъ гуляетъ всякій,
Кто хочетъ отдохнуть.
Лишь демократу и собакѣ
Здѣсь не показанъ путь.

Здѣсь—чистой публикѣ дорога,
Здѣсь для нея—скамья.
И только на правахъ Пролога
На ней присѣлъ и я.

Передо мной—въ оркестрѣ—море,
Волна его темна,
Но если солнце встанетъ вскорѣ,
Увижу все до дна.

Мой долгъ былъ—только васъ понудить
Взглянуть на этотъ видъ.
А рыбу въ мутныхъ водахъ удить
Мнѣ здравый смыслъ велитъ.

Шутъ садится верхомъ на рампу и закидываетъ удочку въ оркестръ. Во время дѣйствія его большею частью не видно за боковой занавѣсью—онъ появляется только въ отдѣльныхъ сценахъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Утро.

Ночь борется съ утромъ. Надъ берегомъ чуть видны въ сумеркахъ трое неизвѣстныхъ. Первый — очень высокая фигура въ черномъ—прислонился къ бѣлому камню дворца. Два другіе сидятъ въ разныхъ мѣстахъ невдалекѣ. Четвертаго не видно: онъ гдѣ-то близко, и слышенъ только его голосъ—прерывистый и зловѣщій, будто изъ глубины.

Второй.

Вотъ ужъ и день забѣлѣлъ.

Третій.

Тяжко, тяжко, когда просыпается день.

Первый.

Мы, какъ зловѣщія ночныя птицы, слабѣемъ къ утру.

Голосъ Четвертаго.

Отчаянья не предавайте. Смерти не предавайте.

Первый.

Такъ, товарищъ. Я не предамъ ничего, потому что ни во что больше не вѣрю. Но я боюсь за другихъ.

Второй и Третій.

За насъ не бойся.

Первый.

За васъ я не боюсь. Городъ страшитъ меня. Всѣ жители сошли съ ума. Они уже строятъ свое счастье на какой-то сумашедшей мечтѣ. Они ждутъ чего-то отъ кораблей, которые придутъ сегодня.

Второй (хватаясь за голову).

Боже мой, Боже мой! Корабли съ моря! Да вѣдь это безуміе! Если они вѣрятъ въ это, значитъ ужъ больше не во что вѣрить!

Третій.

Страшное время. Мнѣ кажется, я схожу съ ума.

Первый.

Смѣшно говорить: страшное время. Если дать себѣ волю—всякій сойдетъ съ ума. Найдемъ въ

себѣ силу дожить этотъ день. Къ концу его мы увидимъ ясно, какъ видимъ вонъ ту бѣлую птицу надъ моремъ, что настало время умереть.

Второй и Третій (вмѣстѣ).

Умереть. Какое счастье—умереть.

Голосъ Четвертаго.

Они говорятъ о счастьи. Уйдемъ одни—жечь и разрушать.

Первый.

Пусть говорятъ. Это ничего. Ихъ отчаянье также безмѣрно.

Молчатъ.

Третій.

Ты каркаешь, какъ черная птица. Всѣ мы въ смертномъ и неразрывномъ союзѣ. Насъ связала человѣческая тоска.

Второй.

Да, всѣ мы хотимъ быть людьми.

Третій.

Ни крова, ни семьи. Негдѣ преклонить голову.

Второй.

Все, что осталось тому, кто хочетъ быть человѣкомъ.

Третій.

Страшно.

Второй.

Чего бояться тому, кому ничего не жаль?

Третій.

Утреннихъ сумерокъ. Смертной тоски.

Голосъ Четвертаго.

Жечь. Жечь.

Третій.

Страшно. Жалко.

Голосъ Четвертаго.

Жги, если страшно. Умирай, если жалко.

Молчатъ. Медленно свѣтаетъ.

Третій.

Скажи мнѣ, товарищъ, на разсвѣтѣ послѣдняго дня: вѣдь и ты когда-то вѣрилъ въ добродѣтель?

Второй.

Вотъ тебѣ моя рука. Сожми ее въ послѣднемъ пожатіи. И я хотѣлъ благополучія. И я любилъ уюты, гдѣ пахнетъ духами, и красивая женщина ставитъ на столъ хлѣбъ и цвѣты.

Третій.

Ты любилъ дѣтей?

Второй.

Оставимъ это. Я любилъ дѣтей. Но больше не жаль и дѣтей.

Третій.

Да, теперь всѣ дѣти—худые и блѣдные. У всѣхъ дѣтей печальные глаза.

Второй.

Недолго проживутъ дѣти съ такими глазами.

Третій.

Скажи мнѣ послѣднее: вѣришь ли ты, что разрушеніе освободительно?

Второй.

Не вѣрю. Не вѣрю.

Третій.

Спасибо. И я не вѣрю.

Второй.

Я вѣрю только пустотѣ.

Третій.

Я поднялъ бы кубокъ во имя пустоты, если бы здѣсь было вино.

Второй.

Во всемъ мірѣ больше нѣтъ вина.

Молчатъ.

Первый

(смотритъ на короля).

Вотъ онъ дремлетъ надъ нами. Красота его древнихъ кудрей правитъ міромъ. Ибо могутъ ли править міромъ такія дряхлыя руки?

Второй.

И ты бредишь, свершитель. И для тебя есть какія-то преграды. Ты какъ будто еще сомнѣваешься. Утро качаетъ твой призракъ передъ этой увядшей красотой.

Первый.

Есть темныя тайныя преграды. Никто изъ насъ ихъ не знаетъ. Въ морѣ бродитъ какой-то разсѣянный свѣтъ, онъ обезсиливаетъ мою черную душу. Онъ дѣлаетъ меня призракомъ.

Второй.

Мы сильны только твоей силой. Но если и ты только призракъ,—то мы растаемъ въ этомъ бродячемъ утреннемъ свѣтѣ.

Третій.

Вонъ полосы тумана ползутъ по морю. Одна такая полоса наползетъ на насъ—и мы исчезнемъ, какъ будто насъ не было.

Второй.

Никто не увидитъ насъ. Кто мы? Мелкія волны? Прибрежные камни? Духи сумерекъ?

Третій.

Люди не пойдутъ за нами. Люди боятся обмана.

Первый.

Всѣ пойдутъ за нами. Настанетъ часъ— и всѣ пойдутъ за нами.

Второй.

У нихъ—семьи, дома. Они сотканы изъ тяжелой ткани. Они дрожатъ надъ каждымъ атомомъ вещества.

Первый.

Ихъ семьи растлѣнны. Дома ихъ пошатнулись.

Третій.

Но сердца ихъ слѣпы и тупы. Они ничего не слышатъ и не видятъ.

Второй.

Въ нихъ нѣтъ мѣста огню.

Первый.

Все равно—все сгоритъ. Тяжелое и тонкое, сухое и сырое. Отъ сырого больше дыму.

Третій.

И этотъ старикъ сгоритъ?

Первый.

Въ немъ нечему горѣть. Все окаменѣло.

Голосъ Четвертаго.

Мантія сгоритъ. Волосы сгорятъ.

Второй.

Но онъ останется цѣлъ.

Голосъ Четвертаго.

Развѣемъ по вѣтру. Бросимъ въ море.

Третій.

И никто не вспомнитъ о немъ.

Первый.

Вспомнитъ тотъ, кто любитъ.

Молчатъ. День разгорается.

Второй.

Солнце напрасно восходитъ. Некому встрѣтить его. Все умерло въ этомъ городѣ.

Первый.

Во всемъ городѣ я знаю двухъ живыхъ. Всѣ боятся стараго Зодчаго. Въ немъ живутъ творческія силы.

Третій.

Ты боишься его?

Первый.

Нѣтъ, онъ не помѣшаетъ намъ. Толпа слишкомъ мелка для того, чтобы повиноваться тяжелой волѣ титана.

Второй.

Кто же другой?

Первый.

Другой? Я не знаю ея имени.

Третій.

Какъ? Это женщина?

Первый.

Да, Дочь Зодчаго. Женщина въ черныхъ шелкахъ.

Второй.

Смѣшно! Ты боишься женщины! Твой голосъ дрогнулъ!

Первый.

Не смѣйтесь. Я не боюсь ни здравости, ни воли, ни труда, ни грубой мужской силы. Я боюсь безумной фантазіи, нелѣпости—того, что звали когда-то высокой мечтой.

Третій.

Ты боишься религіи, поэзіи? Міръ давно перешагнулъ черезъ нихъ. Міръ забылъ о пророкахъ и поэтахъ.

Первый.

Такъ было. Но въ смертный часъ всѣмъ вспоминается прекрасное, что было забыто.

Второй.

Мертвымъ нечего вспоминать. Какой высокой мечтой заразитъ ихъ женщина?

Первый.

Она заразитъ ихъ своей безумной красотой. Она—темный источникъ всѣхъ мечтаній. Незримо и таинственно—теперь она правитъ городомъ. Она носительница великихъ замысловъ. Она хочетъ вдохнуть новую жизнь въ короля.

Третій.

Развѣ это возможно? Развѣ это остановитъ разрушеніе?

Первый.

Да. Они припадутъ къ стопамъ ея. Они сдѣлаютъ ее королевой. Они станутъ поклоняться ей въ храмахъ.

Второй.

Старыя мечты не возрождаются.

Первый.

Но къ безумствамъ всѣ готовы вернуться. Они способны вѣнчать свое безуміе, когда утрачены всѣ надежды, всѣ добродѣтели, вся прелесть очаговъ.

Третій.

Ты бредишь. Ты сошелъ съ ума.

Первый.

Пусть такъ. Безъ меня вы безсильны. Вѣрьте мнѣ—въ ней весь творческій хмѣль ея отца и весь гнѣвъ послѣднихъ поколѣній!

Второй.

Что же намъ дѣлать?

Первый.

Переждать этотъ день. Сегодня вечеромъ она будетъ говорить съ народомъ и королемъ.

Третій.

Еще цѣлый день! Пустой и свѣтлый! Лучше умереть!

Первый.

Клянусь вамъ: мы всѣ умремъ къ ночи!

Голосъ Четвертаго (какъ эхо.)

Мы умремъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Городъ просыпается — все слышнѣе музыка утреннихъ шумовъ. Издали, со стороны моря, вѣтеръ доноситъ стукъ топоровъ.

Второй.

Слышишь? Они еще не потеряли надежду. Топорики стучатъ.

Третій.

Стучатъ и строютъ. Они будутъ строить до послѣдней минуты.

Второй.

Они украшаютъ молъ. Воздвигаютъ какія-то гигантскія сооруженія для встрѣчи кораблей.

Первый.

Пусть надѣются. Мы погибнемъ одни, если придутъ корабли или осуществится ея высокая мечта.

Второй.

То и другое безумно.

Первый.

Если всѣ надежды рушатся, мы погибнемъ со всѣмъ городомъ.

Второй.

Пойдемъ доживать послѣдній день. Пусть солнце осыпаетъ насъ безпощадными осколками. Больше не страшно.

Голосъ Четвертаго.

Корабли не придутъ. Ихъ задержитъ буря. Горячій вѣтеръ разноситъ смерть.

Они расходятся. Четвертый вынырнулъ изъ за камня. Сухими чертами лица и костлявымъ тѣломъ онъ больше всѣхъ похожъ на птицу.

На площади предъ дворцомъ начинается гулянье. Проходятъ взадъ и впередъ нѣсколько франтовъ. Идутъ двое запоздалыхъ рабочихъ.

Первый рабочій.

Работа началась. Иди скорѣе.

Второй рабочій.

Вчера одинъ изъ нихъ приходилъ говорить съ нами. Онъ запрещаетъ строить. Онъ говоритъ что буря разнесетъ все.

Торопливо проходятъ, вѣтеръ гонитъ легкія струйки пыли. Блѣдная женщина продаетъ розы передъ фасадомъ дворца. Невдалекѣ отъ нея останавливается Юноша и Дѣвушка.

Дѣвушка.

Вѣтеръ горячій коснулся тебя?
Солнечный день утолитъ твою грусть.

Юноша.

Море печальнѣй весенняго дня.
Море отвѣтитъ тебѣ за меня.

Дѣвушка.

Взоры свои къ небесамъ подними.
Облако тихо надъ моремъ плыветъ.

Юноша.

Вѣчно плывутъ и плывутъ облака,
Бѣлыя башни роняютъ въ моря.

Дѣвушка.

Грустно тебѣ — посмотри мнѣ въ глаза,
Радость свиданья съ тобою прочти.

Юноша.

Вижу, твои посинѣли глаза,
Ночью проснется надъ нами гроза.

Дѣвушка.

Скорбныхъ рѣчей твоихъ тайна темна,
Тайной волнуется юность моя.

Юноша.

Мирно твоя доцвѣтаетъ душа,
Къ ночи влечетъ тебя юность твоя.

Дѣвушка.

Къ веселью! Къ веселью! Моря запѣваютъ!
Я слышу, далеко идутъ корабли!

Юноша.

Я слышу, какъ ропщутъ далекія волны,
Я вижу, какъ вѣтеръ погналъ облака.

Дѣвушка.

На ясномъ закатѣ, надъ золотомъ моря
Услышимъ веселую пѣсню сиренъ.

Юноша.

Съ печальной землей разлученные бурей
Рыдаютъ сирены твоихъ кораблей.

Дѣвушка.

Лучи маяковъ проницаютъ туманы,
Надъ моломъ поставятъ на стражѣ огни.

Юноша.

Смотри—буревѣстники рыщутъ надъ пѣной,
На гребнѣ волны ихъ качаетъ Судьба.

Дѣвушка.

Надъ бурей взлетитъ золотая ракета
На встрѣчу веселымъ моимъ кораблямъ!

Юноша.

Я вѣщей душой проникаю въ напѣвы,
Сулящіе намъ неизбѣжную ночь.

Дѣвушка.

Душистыя розы у дѣвушки блѣдной
Невинный залогъ безмятежнаго дня.

Подходитъ къ продавщицѣ розъ.

Дѣвушка.

Желтому цвѣту не вѣритъ душа.
Ревности мнѣ не узнать никогда.

Продавщица розъ.

Розовый цвѣтъ—неузнавшимъ любви.
Дѣвушкамъ—нѣжная краска зари.

Дѣвушка.

Знаю страстей ослѣпительный цвѣтъ.
Въ розовомъ пѣсни и радости нѣтъ.

Продавщица розъ.

Красныя розы—колючая мгла.
Радость и пѣсня во мглѣ ожила.

Дѣвушка.

Красныя розы—кровавый нарядъ,
О страшномъ, о темномъ цвѣты говорятъ.

Хочетъ отойти.

Продавщица розъ.

Дѣвушка съ вѣщимъ взоромъ! Ты знаешь мою судьбу.

Дѣвушка.

Очего ты блѣдна? Отчего ты шатаешься?

Продавщица розъ.

Я умираю смертью моихъ розъ — желтой, розовой, красной, бѣлой смертью. Умираю отъ горячаго солнца, отъ пыли, отъ страшной усталости, отъ голода.

Дѣвушка.

Ты умираешь? Ты, нарядная, вся въ цвѣтахъ?

Продавщица розъ.

Я задушу тебя цвѣтами, если ты не дашь мнѣ за нихъ хлѣба.

Дѣвушка.

Какъ страшны твои слова. Возьми.

Даетъ ей деньги и хочетъ уйти.

Продавщица розъ (вслѣдъ).

Возьми бѣлыя розы.

Дѣвушка.

Мнѣ не нужно безкровныхъ цвѣтовъ.

Продавщица розъ.

Ты будешь проклята, какъ всѣ, кто идетъ мимо бѣлаго цвѣта. Здѣсь всѣ боятся бѣлизны.

Дѣвушка.

Дай мнѣ розы. Уходи скорѣе.

Продавщица розъ уходитъ.

Дѣвушка (съ цвѣтами въ рукахъ).

Голодная женщина! Мое утро погибло! Зачѣмъ нищіе продаютъ красивые цвѣты?

Она молчитъ.

Наверху встрѣчаются два франта.

Первый:

Скажите, отчего въ самомъ дѣлѣ такъ ждутъ этихъ кораблей?

Второй.

Право, я самъ не знаю. Возлагаютъ какія-то надежды.

Первый.

Я радъ встрѣтиться со здравымъ человѣкомъ. Всѣ такъ возбуждены, только и говорятъ, что о корабляхъ. И, знаете, самъ начинаешь вѣрить.

Второй.

Да, что ни говорите, вліянія толпы отрицать нельзя. Это такъ заразительно.

Первый.

Чѣмъ нелѣпѣй, тѣмъ заразительнѣй. Я вотъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Второй.

Я тоже. Чего не услышишь въ эти дни! Пора бы разсѣять всѣ эти толки энергичными мѣрами. Правительство...

Проходятъ.

Дѣвушка.

Какъ жалки отрывки сытыхъ рѣчей!
Какъ страшны цвѣты у нищихъ въ рукахъ!
Я больше не вѣрю моимъ кораблямъ!

Юноша.

Больше не думай о нихъ.
Смотри, какъ печальны цвѣты.

Дѣвушка.

Мнѣ душно отъ бѣлыхъ цвѣтовъ!

Юноша.

Смотри на синее море и небо.
Еще синѣе глаза твои.

Дѣвушка.

Мнѣ весело слушать тебя.
Скажи, что ты любишь меня.

Юноша.

Забудемъ цвѣты. Смотри мнѣ въ глаза.
Тяжелыя розы сжигаютъ тебя.

Дѣвушка.

Я брошу ихъ въ море. Забудемъ о нихъ.

Они спускаются къ морю.

Дѣвушка.

Забудемъ о страшномъ.
Запомнимъ, что любимъ.
Плывите, плывите, плывите, цвѣты.

Она бросаетъ розы въ воду. Цвѣты уплываютъ одинъ за другимъ. Юноша грустнымъ взоромъ слѣдитъ за легкими движеніями возлюбленной.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Средина дня.

Та же декорація—только краски потускнѣли, и линіи сожжены зноемъ. Море неподвижно. Горизонтъ въ парахъ. На площади немного гуляющихъ. Кто-то изъ нихъ долго и пристально смотритъ въ море. Иногда проходятъ сторонкой рабочіе и оборванцы; видно, что только необходимость сократить путь заставляетъ ихъ проходить здѣсь. Топоры слабо, но непрерывно стучатъ вдали. Проходятъ двое рабочихъ.

Первый рабочій.

Съ часу на часъ дожидаются кораблей!

Второй рабочій.

Спросить бы, чего они ждутъ отъ нихъ. Торопятъ строить, заставляютъ пѣть пѣсни, чтобы веселѣе работали.

Первый рабочій.

Строятъ, строятъ, а все еще не достроили. Гдѣ же работать въ такую жару. И пѣсни выходятъ тоскливыя.

Проходятъ. Издали доносится заунывная пѣсня рабочихъ. Идутъ двое фланирующихъ.

Первый.

Кто-то кричалъ, что корабли уже видны съ мола.

Второй.

Ложный слухъ! Это рыбачьи суда огибали мысъ.

Первый.

Эхъ, да не все ли равно! Дались имъ эти корабли. Кто придумалъ всю эту глупость, хотѣлъ бы я знать?

Второй пожимаетъ плечами. Проходятъ. Шутъ бредетъ съ удочкой въ рукахъ.

Шутъ.

Скверная погода. Даже рыба не клюетъ. Никто не хочетъ идти на удочку здраваго смысла. Всѣ сошли съ ума.—Ну вотъ, наконецъ, идутъ самые сумасшедшіе,—авось клюнетъ.

Уходитъ за занавѣсъ. На скамью садятся Зодчій и Поэтъ.

Поэтъ.

Море блеститъ, какъ стекло. Все покрыто желтой пылью. Научи меня бороться съ тоской—ты мудрѣе меня.

Зодчій.

Въ дни моей юности у людей были жаркія желанія. Они засыпали сномъ безъ тревогъ послѣ самаго жаркаго дня.

Поэтъ.

Больше никто не спитъ ночей. На всѣхъ лицахъ тревога, всѣ ждутъ чего-то. Сегодня, еще день не проснулся,—мнѣ казалось, я слышалъ зловѣщіе голоса на берегу.

Зодчій.

Ты сынъ своего вѣка. Ты самъ не знаешь, о чемъ твоя тревога.

Поэтъ.

Если бъ только знать! Голодный добываетъ хлѣбъ трудомъ. Оскорбленный мститъ. Любовникъ говоритъ женщинѣ: будь моею. Но я сытъ, и никто не оскорбляетъ меня. Въ женщинахъ я люблю только тонкіе волосы, струнные голоса и

мечты о невозможномъ. Мнѣ нечего достигать—я обреченъ на тоску.

Пѣсня рабочихъ едва слышна.

Зодчій.

Сознавай, что тревога напрасна. Не думай о невозможномъ. Пока этотъ берегъ омываетъ море, пока городомъ правитъ этотъ король—ничто не измѣнится, кромѣ твоихъ блуждающихъ мыслей.

Поэтъ.

Сознаніе мѣшаетъ мнѣ жить. Я чувствую, что жизнь города такъ же призрачна, какъ моя. Море кажется мнѣ стекляннымъ, люди—куклами, случайно сохранившими способность двигаться и говорить.

Зодчій.

Ты боленъ.

Поэтъ.

Мнѣ часто кажется, что и король...

Зодчій (прерывая).

Ты боленъ. Живи просто, или покинь нашъ городъ. Ты—поэтъ—безсмысленное пѣвучее существо,—и однако тебѣ суждено выражать мы-

сли другихъ; все, что ты говоришь, они только не могутъ высказать. Горе тебѣ, если ты подскажешь людямъ ихъ тайныя, сумасшедшія мысли.

Отдаленный грохотъ и крики, какъ будто что-то тяжелое упало въ воду. Черезъ площадь бѣгутъ рабочіе.

Рабочій,

Лѣса сорвались! Десять человѣкъ упали въ море!

Другой рабочій.

А семьи безъ хлѣба!

Третій рабочій.

Скажи его женѣ, чтобы бѣжала къ морю; Можетъ быть еще можно спасти!

Поспѣшно проходятъ.

Зодчій.

Слышишь? Люди гибнутъ.

Поэтъ (встаетъ).

Люди гибнутъ! Ты правъ, мудрецъ! Я сломлю свое безволіе! Сила просыпается во мнѣ.

Зодчій.

Не говори необдуманно. Я покину тебя,—и ты опять погрузишься въ бредъ. До твоего горячаго слуха долетятъ другія слова. Мимо тебя пройдутъ иные люди. И ты отречешься отъ меня.

Поэтъ.

Такъ бывало прежде. Но сегодня во мнѣ произойдетъ переломъ. Я чувствую,—готовится что-то неслыханное. Слишкомъ пусто на морѣ. Слишкомъ горячъ воздухъ. Слишкомъ одинока душа.

Зодчій.

Ты думаешь, что перевернется міръ? Можетъ быть, и ты ждешь кораблей?

Поэтъ (восторженно).

Корабли придутъ!

Зодчій.

Безумный! Голосъ черни звучитъ въ тебѣ Всѣ бредятъ о чудесахъ сегодняшняго дня, всѣ чувствуютъ себя одинокими и непонятыми, какъ ты!

Поэтъ.

Счастье! Счастье! Твои слова душны, какъ пыль!

Зодчій.

Ты бичуешь ихъ семьи, ты бичуешь ихъ пошлость! Но всѣ они лучше тебя,—даже тѣ, кто роется и строитъ. Ты изломанъ, ты не можешь дышать ни моремъ, ни пылью. Они умѣютъ, по крайней мѣрѣ, дышать желтой зловонной пылью—преклоняй же передъ ними колѣни! Они умѣютъ дышать пылью жизни!

Поэтъ.

Я узнаю тебя, старикъ. Недаромъ всѣ боятся тебя. Ты—великая ложь въ красивой одеждѣ. Ты—пошлость съ благороднымъ лицомъ.

Зодчій.

Вотъ, ты ссылаешься на тѣхъ, кого презираешь самъ. Томись же здѣсь надъ стекляннымъ моремъ, мечтай о томъ, что городъ провалится. О королѣ...

Поэтъ.

Твой король... я знаю... я знаю...

Зодчій.

Замолчи. Пусть съ устъ твоихъ не срывается послѣднее кощунство.

Поэтъ.

Ты убиваешь меня.

Зодчій.

Несчастный! Можетъ быть слишкомъ много нищихъ наползло сегодня изъ дальнихъ кварталовъ, они растревожили гнусавыми голосами нервы бѣлоручекъ; можетъ быть много дѣтей умерло, и матери плачутъ слишкомъ громко; можетъ быть просто горячій вѣтеръ разнесъ по городу слухи и сплетни. Вотъ-вся твоя тоска.

Поэтъ.

Оставь, ты убиваешь во мнѣ послѣднее...

Зодчій.

Вотъ твой конецъ міра! Гдѣ то грызутся собаки, или женщины сплетничаютъ и визжатъ! Ты, мечтающій о послѣднемъ днѣ! Рядомъ съ тобой будутъ трудиться, голодать, умирать,—а ты только къ вечеру очнешься отъ бреда.

Стукъ топоровъ возобновляется.

Поэтъ.

Слова твои стучатъ, какъ топоры, въ самое сердце.

Зодчій.

Я не отнимаю у тебя надежды. Но подумай о томъ, что я сказалъ. Слушай, слушай, какъ стучатъ топоры—пусть бьютъ тебя больнѣе, больнѣе. Иначе сердце твое заглохнетъ и опустѣетъ. И я отвернусь отъ тебя. Я вѣрю только тому, кто различаетъ добро и зло, только творчеству. Прощай.

Уходитъ. Порывъ вѣтра взметаетъ его широкую одежду. Облако желтой пыли растетъ и застилаетъ мало по малу площадь, дворецъ и короля. Видно, какъ изъ клубовъ пыли выскакиваютъ маленькіе красные Слухи. Они прыгаютъ и разсыпаются во всѣ стороны. Кажется, что вѣтеръ свиститъ, когда они заливаются смѣхомъ Сію-же минуту въ толпѣ гуляющихъ раздаются тревожные голоса.

Голоса въ толпѣ.

Король боленъ! При смерти!
Заговорщики хотятъ сжечь дворецъ! Убить короля!
Король взятъ подъ стражу!
Запертъ во внутреннихъ покояхъ!
Тотъ, кто каждый день передъ нами—не король!
Насъ обманули!

Пыль разсѣялась. По прежнему виденъ дворецъ и спокойная фигура стараго короля. Толпа затихаетъ. Гулянье продолжается. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ про-

носятся какія-тэ освѣжительныя струи, какъ будто жаръ спалъ. И плавно и медленно выступаетъ изъ толпы Дочь Зодчаго—высокая красавица въ черныхъ тугихъ шелкахъ, въ черной шляпѣ, на которой качается перо страуса. Она останавливается на краю, прямо надъ скамьей, гдѣ сидитъ убитый тоскою Поэтъ—и смотритъ на него сверху,

Молчаніе.

Дочь Зодчаго.

Слышишь ты меня?

Поэтъ (смотритъ вверхъ).

Слышу музыку. Море повѣяло солью.

Вѣтеръ остановился и стукъ топоровъ затихъ. Нѣкоторое время слышна отдаленная музыка моря, которую вдругъ прерываетъ ворчаніе Шута.

Шутъ,

Начинается. Только что клюнула большая рыба.
Влюбленные глупцы спугнутъ всю мою рыбу.

Молчаніе. Въ то время, какъ Дочь Зодчаго медленно сходитъ внизъ, сцена заволакивается туманомъ, который оставляетъ видимымъ только островокъ скамьи, гдѣ находятся Дочь Зодчаго и Поэтъ, гдѣ поетъ юность.

Дочь Зодчаго.

Когда опускается пыль,
И прячутся красные Слухи

Въ полдневныя норы свои,—
Раждается музыка въ морѣ,
Подъ вѣтромъ свѣжѣетъ душа.

Поэтъ.

Прозрачный нисходитъ туманъ
И бѣлой влюбленностью таетъ,
Но древнее море не можетъ
Напѣвомъ своимъ заглушить
Пронзительный голосъ Шута.

Дочь Зодчаго.

Ты все говоришь, какъ во снѣ.
Пѣвучую душу твою узнаю.
И темныя рѣчи люблю.

Поэтъ.

Я смутное только могу говорить.
Сказанья души — несказанны.

Вздыхаетъ море, влача туманъ.

Поэтъ.

Парусъ бѣлый таетъ вдали.

Дочь Зодчаго.

Моимъ видѣньемъ полонъ ты.

Поэтъ.

Вижу вдали корабли, корабли...

Дочь Зодчаго.

Кладу заклятье — будь вѣренъ ты.

Поэтъ.

Я вижу берегъ новый земли...

Дочь Зодчаго.

Снимаю чары. Свободенъ ты.

Какъ будто подулъ вѣтеръ и подвинулся туманъ — уже нѣтъ больше молочной бѣлизны. Откуда то проникло солнце. Но все еще видна только скамья.

Поэтъ.

Брызги пѣны морской ослѣпили меня.
Надъ моремъ движешься ты.
И тѣнь кораблей за тобою встаетъ.

Дочь Зодчаго.

Ты всѣхъ вѣрнѣй мнѣ дѣтской душой.
Ты будешь пѣть, когда я съ тобой.
Когда я погибну — ты будешь пѣть.

Поэтъ.

Будь съ мной! Мои крылья растутъ!
Я слабъ, когда бушуетъ толпа,
Я слабъ, когда говоритъ твой отецъ,
Сердце открыто только тебѣ —
Темнымъ напѣвамъ душа предана.

Молчанье снова прерывается ворчливымъ голосомъ. Шута.

Шутъ.

Право, все это слишкомъ извѣстно. Что бы она не сказала, — все ему понравится, потому-что онъ — влюбленный дуракъ. А старую грымзу отца ея, — онъ конечно не станетъ слушать.

Шутъ вылѣзаетъ изъ-за занавѣса. Его мерзкій профиль съ удочкой на мгновеніе закрываетъ влюбленныхъ отъ театра. Потомъ онъ поднимается по лѣстницѣ наверхъ и пропадаетъ въ туманѣ.

Поэтъ.

Въ серебристыя ризы тумана одѣлась тоска.

Дочь Зодчаго.

Сердце тумана пронзили дневные лучи.

Поэтъ.

Голосъ тоски прозвенѣлъ.

Дочь Зодчаго.

Это волны хрипѣли у берега.

Поэтъ.

Какъ звонокъ пронзительный голосъ тоски.

Дочь Зодчаго.

Солнце пронзитъ ея ризу и сердце — ты будешь свободенъ.

Поэтъ.

Солнце закатится скоро.

Дочь Зодчаго.

На закатѣ ты будешь свободенъ.

Поэтъ.

Сказки твои о свободѣ плѣняютъ меня.

Дочь Зодчаго.

Сказка — вся жизнь для тебя.
Слушай же сонной душой
Сказку о жизни вечерней
Ты, очарованный мой.

Поэтъ.

Да, говори, королевна,
Такъ, чтобы яркіе сны предо мною текли,
Яркіе сны небывалой страны.

Дочь Зодчаго.

Въ строфахъ я жизнь предъ тобой разверну.
Будешь смѣяться и пѣть.

Поэтъ.

Буду смѣяться и плакать —
Ты посѣтила меня.

Дочь Зодчаго.

Стройныя строфы слагать
Приличнѣй поэту.
Ты начинай.

Поэтъ.

Знаю великую книгу о темной странѣ,
Гдѣ надъ моремъ стеклянным
Править и судить тоска,
Не разбивая стекла...

Дочь Зодчаго.

Знаю великую книгу о свѣтлой странѣ,
Гдѣ прекрасная дѣва взошла
На смертное ложе царя
И юность вдохнула въ дряхлое сердце!

Поэтъ.

Тамъ—на поверхности гладкой стекла
Бродитъ печальный поэтъ
Въ смертной тоскѣ,
Путеводимый печальнымъ и строгимъ
Вѣстникомъ темной Судьбы,
Древнимъ своимъ двойникомъ.

Дочь Зодчаго.

Тамъ—надъ цвѣтущей страной
Правитъ высокій король!
Юность вернулась къ нему!
Юность народное сердце
Пронзила, какъ солнце!

Поэтъ.

Въ книгѣ великой твоей
Я не читалъ твоихъ словъ...

Дочь Зодчаго.

Книги моей ты не знаешь, поэтъ.
Сердце мое тебѣ чуждо, поэтъ.

Поэтъ.

Свѣтлую сказку сказала ты мнѣ.

Во время предыдущей сцены, море поетъ все громче. При послѣднихъ словахъ туманъ совсѣмъ разсѣивается, и начинаетъ носиться пыль, въ которой шмыгаютъ красные

Слухи. Сквозь возрастающій гулъ толпы, собирающейся у дворца, снова явственно доносится стукъ топоровъ.

Дочь Зодчаго.

Жизнь уходила на мигъ.
Снова вернулась она.
Слышишь, какъ строятъ одни?
Слышишь, какъ ропщутъ другіе?
Видишь, какъ Слухи смущаютъ толпу!

Поэтъ.

Чужды видѣнья и чужды слова.
Сказкой твоею дышу—
Не уходи отъ меня.

Дочь Зодчаго.

Нѣтъ, не могу оставаться съ тобой!
Сказку мою я иду воплотить.
Жди меня къ вечеру здѣсь,
Будь вѣренъ душой королю.
Къ вечеру—будешь свободенъ.

Она поднимается на верхъ и смѣшивается съ толпой, которая все время глухо ропщетъ въ клубахъ пыли. Поэтъ, задумчивый, остается внизу.

Голоса въ толпѣ.

Сегодня къ вечеру произойдетъ неслыханное дѣло.
Ты слышалъ, ночью пришли корабли.

Король кивалъ сегодня головой...
Король отдалъ приказъ. Корабли ушли обратно.
Смотрите наверхъ: короля уже нѣтъ тамъ.
Король здѣсь. Ничего не видно въ пыли!

Голоса прерываются странными звуками — точно кто-то всхлипываетъ. Сквозъ пыль можно разглядѣть Шута, который прильнулъ брюхомъ къ парапету набережной, надъ самой скамьей и обоими кулаками зажимаетъ ротъ, чтобы сдержать хохотъ.

Шутъ (кричитъ сквозь гулъ).

Ваша милость! Чѣмъ могу быть полезнымъ?

Поэтъ (быстро поднимаясь, смотритъ на Шута вверхъ).

Ага! Я уже видѣлъ тебя во снѣ. Гдѣ твоя удочка?

Шутъ (покатывается со смѣху).

Здѣсь, здѣсь, вотъ она, со мной! Я ловецъ человѣковъ!

Поэтъ.

Жалкій, жалкій! Помоги! Спаси отъ тоски!

Шутъ.

Пока вы объяснялись, тутъ приготовился цѣлый политическій переворотъ! Слышите, они кричатъ о королѣ?

Поэтъ.

Корабли приближаются?

Шутъ.

Какіе корабли? Вы рехнулись? Примкните къ партіи! Нельзя валандаться безъ дѣла!

Поэтъ.

Что дѣлать? Говори.

Шутъ.

Вотъ, выбирайте скорѣй. Я привелъ двухъ на выборъ.

Изъ-за спины Шута высовываются съ обѣихъ сторонъ двое странно похожихъ на птицъ: одинъ въ черномъ, другой въ золотомъ. Они сбѣгаютъ къ Поэту.

Черный.

Пора! Иди за нами! Пой намъ пѣсни! Городъ стосковался безъ твоихъ пѣсенъ!

Поэтъ.

Кто ты?

Черный.

Не теряй времени! Пой о свободѣ. Толпа возбуждена—она пойдетъ за тобой.

Поэтъ.

Ты—зловѣщая птица? Ты каркалъ надъ моремъ сегодня утромъ?

Черный.

Все равно! Не я нагналъ на тебя тоску! Ты поможешь сжечь и разбить дворецъ!

Поэтъ.

Ты противъ короля?

Черный.

Смерть ему!

Поэтъ.

Оставь меня. Она не позволитъ тебѣ касаться святыни.

Черный убѣгаетъ съ проклятіями.

Шутъ (кричитъ).

Говори съ другимъ!

Толпа гудитъ. Золотой кланяется Поэту.

Золотой.

Я счастливъ говорить съ вами. Нельзя терять ни минуты. Толпа въ вашихъ рукахъ.

Поэтъ.

Кто ты, золотая птица?

Золотой.

Вѣрный слуга короля. Придворный. Вашъ поклонникъ.

Поэтъ.

Что я могу?

Золотой.

Пѣть о святынѣ. Сохранить короля отъ буйной черни. Каждый мигъ дорогъ.

Поэтъ.

Пусть. Я иду пѣть. Веди.

Быстро всходитъ наверхъ. Золотой бѣжитъ впереди вприпрыжку. Толпа гудитъ.

Шутъ (покатываясь со смѣху).

Поймалъ! Поймалъ! Хоть одинъ здравомыслящій! Безпартійный! Сторонникъ правительства!

Шутъ вмѣшивается въ толпу. Поэтъ, восходя надъ толпой, на одну изъ ступеней террассы, говоритъ среди затихающей народной бури.

Все какъ во снѣ.

Обращается лицомъ къ толпѣ. Она безмолвна и готова внимать его пѣснямъ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Ночь.

Та же декорація. Медленно вечерѣетъ. Свинцовыя тучи бѣгутъ по небу. Издали доносится усиленный стукъ топоровъ. Черезъ сцену, не переставая, идутъ люди къ морю, огибая дворецъ. Жесты оживленные, глаза блестятъ; волненіе достигло крайней степени. На всѣхъ лицахъ тревога и жадная надежда. Одинъ изъ толпы останавливается и опирается на перила набережной, вытирая лицо платкомъ. Къ нему присоединяется второй — другъ.

Второй.

Ты совсѣмъ ослабѣлъ.

Первый.

Да, сумасшедшая тревога сказалась. Сердце не выдержитъ, если это продлится еще хоть одинъ день. Неужели корабли не придутъ и сегодня?

Второй.

Сегодня они должны быть здѣсь. Иначе мы погибли. Народъ увѣренъ, что корабли принесутъ

пасеніе. Если они не придутъ и сегодня — терпѣніе лопнетъ.

Первый.

Послѣдніе, послѣдніе часы! Смотри, они всѣ идутъ къ молу и будутъ ждать до ночи. Что, если не дождутся?

Второй.

Буря загонитъ ихъ въ дома.

Первый.

Буря только раззадоритъ ихъ. Всю ночь будутъ жечь и грабить. Тогда всему конецъ.

Второй.

Кто поселилъ въ насъ эту надежду? Только приготовленія торжественной встрѣчи, обѣщанія вѣчнаго счастья!

Первый (низко склоняется къ периламъ).

У меня бываютъ минуты просвѣтлѣнія. Какъ передъ смертью. Куда насъ несетъ? Что заставило насъ повѣрить?

Второй.

Только хватанье за жизнь. Вѣрить въ это — значитъ хвататься за соломинку.

Первый.

Топоры, топоры стучатъ. Стучатъ безъ отдыха. Достраиваютъ послѣднее. Куда дѣваться отъ стука топоровъ?

Второй.

Съ утра и до вечера стучатъ. Строятъ башню. Оттуда они хотятъ пустить ракету, когда появится въ морѣ первый корабль.

Первый (плачетъ).

Гнутся колѣни. Я не спалъ столько ночей! Отдыха! Отдыха!

Второй.

Потерпи. Можетъ быть ждать недолго.

Отвѣта нѣтъ. Первый низко склонился на перила. Въ эту минуту проходитъ нищая съ ребенкомъ на рукахъ.

Нищая.

Помогите ради Бога. Мой мужъ работалъ на молѣ. Лѣса сорвались. Онъ утонулъ въ морѣ. Подайте на хлѣбъ.

Другъ, не обращая на нее вниманія, пристально вглядывается въ лицо друга. Тотъ совсѣмъ склонился на перила и свѣсилъ голову. Молчаніе. Люди идутъ мимо.

Нищая.

Добрые люди, помогите ради ребенка.

— Молчаніе. —

Нищая.

Сегодня всѣмъ будетъ весело. Корабли придутъ. Только я — безъ хлѣба.

Ребенокъ начинаетъ плакать. Нищая укачиваетъ его, съ удивленіемъ отступая. Другъ охватываетъ руками склонившагося на перила. Тѣло падаетъ на колѣни. На чугунной перекладинѣ лежитъ мертвая голова.

Другъ (опускаясь надъ трупомъ, тихо говоритъ нищей).

Онъ умеръ. Слышите — мертвый. Мертвые не подаютъ.

Нищая крестится, пятится и уходитъ. Люди идутъ мимо. Среди нихъ проходитъ Шутъ въ священнической рясѣ и капюшонѣ. Онъ съ любопытствомъ приближается къ трупу, надъ которымъ безпомощно склонился другъ.

Шутъ (строго).

Пьяный?

Другъ (серьезно)

Мертвый.

Шутъ.

Причина смерти?

Другъ.

Разрывъ сердца. Тревожныя событія этихъ дней.

Шутъ (качая головой).

Все обошлось бы благополучно, еслибъ онъ обратился ко мнѣ.

Другъ.

Кто же вы такой.

Шутъ.

Врачъ духовный.

Порывъ вѣтра распахиваетъ рясу и срываетъ капюшонъ съ головы Шута.

Другъ (сомнительно качаетъ головой).

Врачъ духовный не носитъ краснаго колпака.

Шутъ пристально смотритъ ему въ глаза.

Врачъ духовный не нашиваетъ золотыхъ позументовъ на красное брюхо...

Шутъ продолжаетъ смотрѣть.

У него... не такіе... глаза...

Щеки Шута вздрагиваютъ отъ смѣха. Онъ быстро запахиваетъ рясу. Тихо вечерѣетъ.

Шутъ (строго).

И вы смѣетесь? Смѣетесь, когда умеръ вашъ другъ?

Вкругъ нихъ собирается кучка людей изъ проходящей толпы. Всѣ съ возрастающимъ любопытствомъ стараются взглянуть поближе

Другъ (съ изумленіемъ смотритъ на Шута).

Я гдѣ-то видѣлъ твою ханжескую рожу. Не помню гдѣ, — я много видѣлъ на своемъ вѣку: въ судѣ, гдѣ ты внушалъ присяжнымъ смертные приговоры; или въ церкви, гдѣ ты проповѣдывалъ смиреніе; или... да! здѣсь, на берегу ты доказывалъ людямъ, что имъ не надо свободы.

На лицахъ окружающихъ просыпается ненависть.

Шутъ (поднимаясь).

Братья, скорбныя дѣла творятся здѣсь. Идите своимъ путемъ. Успокойтесь. Именемъ Божіимъ...

Голоса въ толпѣ.

Новая ложь! Не поминай напрасно имени Божьяго! Истины! Истины! Подъ рясой скрывается лукавое сердце!

Шутъ мгновенно распахиваетъ рясу. Онъ какъ бы вырастаетъ на минуту — въ красной съ золотомъ одеждѣ. Надъ толпою качается его дурацкій колпакъ.

Шутъ.

Вамъ надо истины? Вотъ истина! Стекайтесь, люди! Смотрите на меня со всѣхъ кровель, привѣтствуйте меня на улицахъ, кланяйтесь мнѣ до земли!

Страшное волненіе среди прибывающей толпы. Шутъ потряхиваетъ колпакомъ, бубенцы звенятъ.

Голоса въ толпѣ.

Въ такую ночь маски на улицахъ! Гдѣ мы? Гдѣ мы?

Прерывающіеся голоса.

Ночь близка! Ночь наступаетъ!

Шутъ.

Вамъ надо истины? Она передъ вами, люди! Смотрите на меня! Я — сама Истина — въ моей красной и золотой наготѣ! Убирайте трупы съ вашихъ улицъ!

Голоса въ толпѣ.

Страшно! Это призракъ надъ мертвецомъ. Вѣтеръ насылаетъ привидѣнія!

Отдѣльный голосъ въ толпѣ.

Слухи весь день носились въ пыли. Маленькіе вертѣлись подъ ногами, красные кричали въ уши, пыльные разносили тревогу!

Второй голосъ.

Слухи овладѣли толпой! Это одинъ изъ нихъ. Смотрите, какъ разнесло его къ ночи, какъ вспухло на немъ красное золото!

Третій голосъ.

Ночь близка! Слухи владѣютъ толпой! Это голосъ народа, это молва! Вѣтеръ несетъ ее по всей землѣ. Или только въ напряженныхъ глазахъ моихъ блистаетъ ея красное золото?

Четвертый голосъ.

Она поетъ! Внимайте, внимайте!

Шутъ.

Я голосъ молвы всемірной! Я многоликъ, но во всей вселенной ношу одно имя! Здравый смыслъ — имя мое!

Голоса.

Слушайте! Здравый смыслъ говоритъ съ нами!

Шутъ.

Бѣдныя овцы безъ пастыря! Пусть успокоится сердце ваше! Пѣсни здравости пою я вамъ! Я — пастырь добрый. Не медлите надъ мѣстомъ, гдѣ вѣетъ скорбь! Минуетъ эта тревожная ночь! Не медлите — возвращайтесь къ вашимъ оставленнымъ семьямъ!

Голоса.

Вѣримъ тебѣ, Утѣшитель! Сердца открыты. Говори!

Шутъ.

Буду пасти васъ, стада мои, рукою твердой, жезломъ желѣзнымъ! Если вы не послушаетесь меня, — страшная кара падетъ на васъ! Море захлестнетъ безумцевъ! Свинцовыя тучи погребутъ подъ собою смятенный городъ. Такъ говоритъ Здравый Смыслъ! Онъ караетъ возмущенныхъ душой! Мое красное золото весело поетъ передъ вами. Но веселое красное золото принесетъ вамъ смерть и пожары, если вы будете испытывать Здравый Смыслъ!

Голоса.

Тише! Успокойтесь! Страшно! Горе безумнымъ! Въ путь! Къ морю! Къ морю! Навстрѣчу кораблямъ!

Толпа шелеститъ и расходится. Мертваго уносятъ. Замираютъ отдѣльныя восклицанія. Шутъ, завернувшись въ рясу, снова держитъ путь свой въ толпѣ. Скоро на сценѣ не остается никого. Остальны торопливо проходятъ къ молу, гдѣ смолкаетъ стукъ топоровъ.

На площади появляется Зодчій.

Зодчій.

Они кончаютъ свое строительство.

Онъ стоитъ среди площади и смотритъ на Короля. Справа медленно выходитъ Поэтъ, направляясь за толпою къ морю.

Зодчій.

И ты идешь за толпой?

Поэтъ.

Ты отвѣка преграждаешь мнѣ путь, хотя нашъ городъ поглощаетъ и раздѣляетъ всѣхъ.

Зодчій.

Да, городъ всѣхъ сбиваетъ съ пути. Ко мнѣ легко находить дорогу, ибо я чуждъ всѣмъ вамъ. Вы жадно смотрите другъ другу въ глаза. Я смотрю черезъ ваши головы и ясно вижу мой синій путь.

Поэтъ.

Тебя называютъ колдуномъ. Про тебя ходятъ странные слухи.

Зодчій.

Маленькіе красные Слухи погубятъ васъ. Они рождаются въ сухой и желтой пыли и проникаютъ вмѣстѣ съ нею въ мятежныя сердца. Сойдетъ небесная гроза, и прибьетъ пыль, и вы погибнете вмѣстѣ съ пылью.

Зодчій смотритъ на клубящіяся тучи.

Поэтъ.

Я не хочу больше видѣть тебя. Я хотѣлъ научиться отъ тебя мудрости, но ты гордъ и старъ. Ты не любишь меня.

Зодчій.

Ты не встрѣтилъ бы меня, если бы я не любилъ тебя.

Поэтъ (ломая руки).

Что же мнѣ дѣлать.

Зодчій.

Останься здѣсь. Не ходи за толпою. Не пой для нея мятежныхъ пѣсенъ твоихъ. Съ ночью

остаться повелѣваю тебѣ. Да будетъ спасенъ одинокій, произнесшій въ такую ночь слова о любви.

Зодчій удаляется. Поэтъ спускается къ морю и садится на скамью. Сумерки быстро сгущаются. Рогъ вѣтра трубитъ, пыль клубится, гроза приближается, толпа глухо ропщетъ вдали, на молѣ, откуда видны сигнальные огни. Вверху, надъ скамьею выростаетъ Дочь Зодчаго. Вѣтеръ играетъ въ ея черныхъ волосахъ, среди которыхъ свѣтлый ликъ ея, какъ день.

Поэтъ.

Слышу, слышу твое приближеніе.
Ты снова восходишь надъ пылью,
Какъ видѣнье мгновенна.
Въ новой пыли ты исчезнешь,
Новый вѣтеръ тебя унесетъ.

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ схожу я къ тебѣ.
Недобрыя вѣсти дошли до меня.
Какъ черныя птицы въ желтой пыли
Замысловъ новыхъ носятся клочья.
Новые вѣтры погасятъ мой факелъ.

Поэтъ.

Близится ночь.
Надъ моремъ краснѣетъ заря.

Свинцовыя тучи несутся,
Спящая юность проснулась во мнѣ.

Дочь Зодчаго.

Стекло морей разбито вѣтромъ!
Въ твоей душѣ расплеснулось море!
Слышишь крикъ зловѣщихъ птицъ?
Слышишь плескъ свинцовыхъ волнъ?

Она встаетъ со скамьи. Вѣтеръ рветъ ея черные шелка и мечется въ ея волосахъ. Мракъ сгущается.

Поэтъ.

Въ часъ зловѣщій, въ часъ послѣдній, быть можетъ,
Дай прильнуть устами къ рукѣ.
Подъ черной тучей бѣлѣетъ она!

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ къ рукѣ прикоснись.

Поэтъ.

Въ эту ночь впервые тебя узнаю:
Ты факелъ юности бѣдной моей.

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ ты видишь меня.
Послѣдній факелъ ярче горитъ.

Поэтъ.

Зачѣмъ такъ ярко вспыхнула юность?
Развѣ скоро жизнь догоритъ?
Развѣ юность прошла, королевна?

Дочь Зодчаго.

Я надъ жизнью твоей властна.
Кто со мною—будетъ свободенъ.
Королевной меня не зови.
Я—дочь безумной толпы.

Поэтъ.

Также свистѣлъ осенній вѣтеръ,
Также летѣла тучами пыль,
Когда я увидѣлъ впервые,
Твой легкій, твой странный образъ.

Дочь Зодчаго.

Я искала въ тебѣ героя.
Я грядущему въ очи смотрю.

Поэтъ.

Ты сходила ко мнѣ изъ высокихъ покоевъ.
Ты смотрѣла, какъ смотришь теперь, на зарю.

Дочь Зодчаго.

Прошедшаго нѣтъ.

Поэтъ.

Но вѣтеръ игралъ въ очертаніяхъ сонныхъ,
И я предъ тобою — былъ свѣтлый поэтъ,
Овѣянный вѣтромъ твоимъ.
И въ глазахъ твоихъ склоненныхъ
Я прочелъ, что тобою любимъ.

Дочь Зодчаго.

Забудь о прошедшемъ. Прошедшаго нѣтъ.

Поэтъ.

Но ты рукою коснулась меня.
Я къ этой рукѣ устами приникъ!
И въ темныхъ твоихъ волосахъ.
Королевскій вспыхнулъ вѣнецъ!

Дочь Зодчаго.

Я никогда не была королевой!
И какъ мнѣ пышность узнать?
Я нищая дочь толпы.

Поэтъ.

Въ послѣдній разъ — въ одичаломъ мракѣ
Я вижу — горитъ королевскій вѣнецъ
Въ темныхъ твоихъ волосахъ!
Или молніи свѣтъ скользнулъ?
Какъ озарилось твое лицо!

Въ послѣдній разъ!

Въ блѣдномъ свѣтѣ молніи кажется, что ея черные шелка свѣтятся. Въ темныхъ волосахъ зажглась корона. Она внезапно обвиваетъ его змѣинымъ объятіемъ. Руки жадно впиваются въ него. Она прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ. Проходитъ мигъ.

Изъ дальнихъ кварталовъ, съ дальнихъ площадей и улицъ несется возрастающій вой прибывающей толпы. Кажется сама грозовая ночь захлебнулась этимъ воемъ, этимъ свистомъ бури, всхлипываньемъ волнъ бьющихъ въ берегъ въ дрожащемъ, матовомъ, пресыщенномъ грозою, блескѣ.

Дочь Зодчаго. (внезапно выпрямляясь, отталкиваетъ его отъ себя).

Видишь, море швыряется въ берегъ?
Видишь, зажглись лампады молній?
Слышишь, вѣтеръ поетъ о свободѣ?
Братья ждутъ меня. Прощай.

Онъ остается одинъ, въ непроглядномъ мракѣ, между прибоемъ моря и хлынувшей надъ нимъ на площадь толпы.

Она поднимается по ступенямъ и вступаетъ на площадь. Дикій вой.

Человѣкъ съ факеломъ (несется въ толпѣ и кричитъ на бѣгу, какъ бы подхваченный вѣтромъ).

Съ мола дали знакъ! Кто-то видѣлъ корабль съ башни!

Появляются новые факелы, распространяя дымный красноватый свѣтъ. Высокая фигура въ черномъ на одной изъ ступеней террассы.

Человѣкъ въ черномъ.

Вы собрались здѣсь всѣ. Ночь наступаетъ. Истекли послѣдніе сроки, которые вамъ назначили для прихода этихъ несчастныхъ кораблей.

Ревъ и визгъ въ толпѣ.

И вотъ—кораблей нѣтъ. Берегитесь, голодные, берегитесь, страдальцы! Васъ будутъ обманывать еще. Вамъ сулятъ невозможное счастье. Въ твоихъ рукахъ, оскорбленный народъ, месть тому, кто равнодушно смотритъ на твою гибель, вонъ тамъ, надъ моей головой.

Поднимаетъ руку, указывая на Короля. Толпа разрываетъ воздухъ воплемъ. Въ эту минуту рядомъ съ черной фигурой появляется другая — ясно при свѣтѣ факеловъ различимы шелка ея. Дочь Зодчаго стоитъ молча и совершенно неподвижно смотритъ на толпу.

Голоса въ толпѣ.

Колдунья! Дочь колдуна! Зачѣмъ она пришла?

Мало по малу враждебные голоса утихаютъ. Вдругъ прорывается женскій вопль:

Святая!

Другіе голоса (подхватывая, раскатываются по площади).

Въ тебѣ защита! Исцѣли наши раны!
Освободи! Помоги! Дай намъ новую жизнь!

Черная фигура заговорщика исчезаетъ. Дочь Зодчаго медленно поднимается по ступенямъ на терассу. Толпа затихаетъ.

Чей-то голосъ (слишкомъ обыденный, чтобы ясно слышать его, говоритъ:)

Въ исторіи извѣстны примѣры, когда женщины.... И я не удивлюсь...

Гдѣ-то въ толпѣ мелькаетъ красный колпакъ Шута, и слышенъ сдержанный хохотъ его, покрываемый шипѣньемъ. Дочь Зодчаго появляется на терассѣ и останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Короля. Толпа совершенно безмолвна. Надъ городомъ, какъ бы умершимъ отъ восторга ожиданія, возвышаются только двое: Она и Король.

Она (прерываетъ молчаніе низкимъ и груднымъ голосомъ, который медленно несется сверху, какъ вздохъ благовѣста).

Король! Грядущее въ рукахъ моихъ. Твой народъ передалъ мнѣ твою власть надъ собою.

Молчаніе.

Король! Во мнѣ довольно силы, чтобы сейчасъ сразить тебя. Никто не заплачетъ надъ твоимъ старымъ прахомъ, если исполнится моя воля.

Молчаніе. Голосъ становится ярче и тревожнѣе, какъ въ послѣдній разъ вспыхнувшій костеръ.

Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснетъ и вонъ та узкая полоса зари. Я могу больше, чѣмъ угашать свѣтъ. Я возвращу тебѣ прежнюю силу и отдамъ тебѣ прежнюю власть.

Вотъ—я отдаю тебѣ мое нетронутое тѣло, Король! Бери его, чтобы отъ юности моей вспыхнула юность въ твоемъ древнемъ разумѣ.

Молчаніе не нарушается ни однимъ звукомъ. Блѣднѣетъ красная полоска зари. Дочь Зодчаго двинулась впередъ. На разстояніи одного шага отъ Короля, она опускается на колѣни и прикасается устами къ королевской мантіи, складками лежащей на полу...

Она поднимается съ блѣднымъ и неподвижнымъ лицомъ и глухо говоритъ сверху.

Дочь Зодчаго.

Не прикасайтесь къ нему. Дайте ему дремать и смотрѣть на звѣзды. Я узнала на немъ печать Отца.

И покорнымъ движеніемъ, спокойная, садится у ногъ его, обнявъ гигантскія колѣни. Она кажется теперь впервые ласковымъ ребенкомъ у ногъ царственнаго гигантскаго Отца.. Толпа все еще очарована. Носятся удивленные шопоты. Женщины тихо плачутъ.

Шутъ пробирается сквозь толпу къ морю—съ удочкой и узелкомъ. Красный колпакъ его дрожитъ отъ вѣтра.

Шутъ (бормочетъ).

Я говорилъ, что море слишкомъ мутно сегодня. Я уже никому не нуженъ здѣсь. Кто послушается здраваго смысла, когда всѣ потеряли голову. Подождите, вы еще хватитесь меня, да только поздно. А пока здравому смыслу остается одно средство—эмиграція...

Спускается къ морю и уходитъ во мракъ—искать свою лодку.

Плачетъ ребенокъ. Испуганно баюкаетъ его нищая мать. Но крикъ его не смолкаетъ. Тогда нищая пронзительно вопитъ, поднимая ребенка надъ толпой.

Нищая.

Грудь изсякла! Ребенокъ умираетъ!

Голосъ нищаго (присоединяется).

Помогите! Умираю...

Многіе голоса.

Хлѣба! Насъ обманули! Нѣтъ Бога! Нѣтъ Короля! Долой дворецъ!

Тотъ же обыденный голосъ.

Фантазіями людей не накормишь. Пора самимъ дѣло дѣлать, когда власти бездѣйствуютъ.

Смятеніе. На сцену, со стороны моря, бѣгутъ люди, впереди стремительно бѣжитъ Золотой.

Золотой (кричитъ)

Корабли пришли! Счастье! Счастье!

Вдали взвивается ракета, за ней другая,—ракеты летятъ все радостнѣй и чаще.

Голоса въ толпѣ.

Поздно! Поздно!

На ступени терассы выскакиваетъ черный, костлявый какъ птица.

Черный.

Здравый Смыслъ покинулъ васъ. Смотрите, вы безъ пищи и безъ крова, вы во власти Слуховъ, среди васъ мечутся золотые и красные черти! Жгите, разрушайте все, вы не можете ручаться за завтрашній день!

Изъ мрака снизу появляется Поэтъ. Его восторженное лицо горитъ надъ площадью. На одинъ мигъ онъ останавливается среди толпы.

Поэтъ.

Счастье съ нами! Корабли пришли! Свободенъ!

Онъ начинаетъ свое послѣднее восхожденіе по ступенямъ терассы. Съ каждымъ шагомъ его растетъ ярость толпы. Съ каждымъ шагомъ Дочь Зодчаго сверху привѣтствуетъ его взорами.

Поэтъ (восходя).

Роза небесная! Иду къ тебѣ.

Дочь Зодчаго (у ногъ Короля).

Ты идешь къ Отцу.

Поэтъ (выше).

Смотри: осыпаются дождемъ ракеты, лепестки небесныхъ розъ.

Дочь Зодчаго.

Ты свободенъ.

Поэтъ (еще выше).

Ты свободна. Твое лицо озарено.

Дочь Зодчаго.

Ближе! Ближе!

Поэтъ (на послѣдней ступени).

Здравствуй, небо.

Дочь Зодчаго.

Выше! Выше! Минуя меня, ты идешь къ Отцу!

Въ тотъ же мигъ разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтомъ. Снизу расшатываются колонны. Вой и крики. Терасса рушится, увлекая за собою Короля, Поэта, Дочь Зодчаго, часть народа. Ясно видно, какъ въ красномъ свѣтѣ факеловъ люди внизу рыщутъ, разыскивая трупы. Ясно видно, какъ стынущіе отъ ужаса люди поднимаютъ каменный обломокъ мантіи, каменный обломокъ торса, каменную руку. Слышатся крики ужаса: Статуя-Каріатида! Каменный истуканъ! Гдѣ король?

Зодчій (появляется надъ грудой обломковъ и неподвижно ждетъ, пока смолкнетъ толпа).

Я послалъ вамъ сына моего возлюбеннаго, онъ пѣлъ вамъ о счастьи жизни грядущей, и вы убили его. Я послалъ вамъ другого Утѣшителя—дочь мою—духа отъ духа моего и плоть отъ плоти моей. И вы не пощадили ее. Я создалъ вамъ власть, я обтесалъ твердый мраморъ—и каждый день вы любовались красотою этихъ древнихъ кудрей, вышедшихъ изъ подъ моего рѣзца. Вы разбили мое созданіе, и вотъ остается

домъ вашъ пустымъ. Но завтра міръ будетъ по прежнему зеленъ, и море будетъ также спокойно.

Отдѣльные померкшіе голоса.

Кто же накормитъ насъ? Кто вернетъ намъ мужей и дѣтей? Кто утишитъ нашу боль?

Зодчій.

Васъ накормитъ Тотъ, Кто движетъ свѣтилами, Тотъ, Кто поитъ черную землю дождями, Тотъ, Кто собираетъ тучи надъ моремъ. Васъ накормитъ Отецъ.

Онъ медленно спускается съ обломка дворца и пропадаетъ во мракѣ.

За картиной разрушенія нѣтъ больше ни одного огня. Надъ мысомъ господствуетъ блѣдный мракъ. Ропотъ толпы усиливается и сливается съ ропотомъ моря.

НЕЗНАКОМКА.

На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простого и изящнаго фасона; волосы, повидимому, темнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомѣрное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ быть, и блѣдна...

Достоевскій.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла?..

— Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то?

— Гдѣ?—Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ... да этого быть не можетъ! Это я такъ... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ быть, во снѣ...

Достоевскій.

...И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.

Александръ Блокъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

НЕЗНАКОМКА.

ГОЛУБОЙ.

ЗВѢЗДОЧЕТЪ.

ПОЭТЪ.

ПОСѢТИТЕЛИ КАБАЧКА И ГОСТИНОЙ.

ДВА ДВОРНИКА.

ПЕРВОЕ ВИДѢНІЕ.

Уличный кабачекъ. Подрагиваетъ бѣло-матовый свѣтъ ацетиленоваго фонаря въ смятомъ колпачкѣ. На обояхъ изображены совершенно одинаковые корабли съ огромными флагами. Они взрѣзаютъ носами голубыя воды. За дверью, которая часто раскрывается, впуская посѣтителей, и за большими окнами, украшенными плющемъ, идутъ прохожіе въ шубахъ и дѣвушки въ платочкахъ— подъ голубымъ вечернимъ снѣгомъ.

За прилавкомъ, на которомъ водружена бочка съ гномомъ и надписью „Кружка-бокалъ"—двое совершенно похожихъ другъ на друга: оба съ коками и проборами, въ зеленыхъ фартукахъ; только у хозяина усы внизъ, а у брата его, полового, усы вверхъ. У одного окна, за столикомъ, сидитъ пьяный старецъ,— вылитый Верлэнъ, у другого—безусый блѣдный человѣкъ, вылитый Гауптманъ. Нѣсколько пьяныхъ компаній.

Разговоръ въ одной компаніи.

Одинъ.

Купилъ я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебѣ, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Другой убѣдительно и съ обидой.

Да врешь ты!.. Да вотъ поди жъ ты... Я тебѣ...

Третій усатый, кричитъ.

Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбѣгаетъ. Слышно, какъ булькаетъ пиво. Молчаніе.

Одинокій посѣтитель поднимается изъ угла и невѣрной походкой идетъ къ прилавку. Начинаетъ шарить въ блестящей посудинѣ съ вареными раками.

Хозяинъ.

Позвольте, господинъ. Такъ нельзя. Вы у насъ всѣхъ раковъ руками переберете. Никто кушать не станетъ.

Посѣтитель, мыча, отходитъ.

Разговоръ въ другой компаніи.

Семинаристъ.

И танцовала она, милый другъ ты мой, скажу я тебѣ, какъ небесное созданіе. Просто взялъ бы ее за бѣлыя ручки и прямо въ губки, скажу тебѣ, поцѣловалъ...

Собутыльникъ визгливо хохочетъ.

Эка, эка, Васинька-то нашъ, размичтался, заалѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ! А что она тебѣ за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Всѣ визгливо хохочутъ.

Семинаристъ совсѣмъ красный.

И, милый другъ ты мой, скажу тебѣ, нехорошо смѣяться. Такъ бы вотъ взялъ ее, и унесъ бы отъ нескромныхъ взоровъ, и на улицѣ плясала бы она передо мной, на бѣломъ снѣгу... какъ птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись,—самъ полетѣлъ бы за ней, надъ бѣлыми снѣгами...

Всѣ хохочутъ.

Второй собутыльникъ.

Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

Первый собутыльникъ.

Тебѣ бы по морозцу-то легче, а то съ твоей милой какъ разъ въ грязь угодишь...

Второй собутыльникъ.

Мичтатель.

Семинаристъ совсѣмъ осоловѣлъ.

Эхъ, милые други, въ семинаріи не учась, скажу я вамъ, вы нѣжныхъ чувствъ не понимаете. А, впрочемъ, еще бы пивца...

Верлэнъ бормочетъ громко, самъ съ собою.

Каждому свое. Каждому свое...

Гауптманъ дѣлаетъ выразительные знаки половому. Входятъ рыжій мужчина и дѣвушка въ платочкѣ.

Дѣвушка половому.

Бутылку портеру, Миша. Продолжаетъ быстро разсказывать мужчинѣ... только она, милый мой, вышла, хвать,—забыла хозяйку пивомъ угостить. Сейчасъ—назадъ, а ужъ онъ комодъ открылъ, да и роется, да и роется, все перерылъ, все перерылъ, думалъ—не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а онъ, милый мой, ей ротъ зажимать. Ну, все-таки хозяйка прибѣжала, да сама кричать, да дворника позвала; такъ его, милый мой, сейчасъ въ участокъ... Быстро прерываетъ. Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимаетъ двугривенный.

Дѣвушка.

Тебѣ нешто жалко?

Мужчина.

Пей, да помалкивай.

Молчатъ. Пьютъ. Вбѣгаетъ молодой человѣкъ и радостно бросается къ Гауптману.

Молодой человѣкъ.

Костя, другъ, она у дверей дожидаетъ...

Гауптманъ.

Ладно. Пошляется еще. Давай, выпьемъ.

Верлэнъ громко бормочетъ.

И всѣмъ людямъ—свое занятіе... И каждому—свое безпокойство.

Входитъ Поэтъ. Подзываетъ полового.

Поэтъ.

Угостить васъ?

Половой прирожденный юмористъ.

Великая честь-съ... Отъ знаменитаго лица-съ...

Убѣгаетъ за виномъ. Поэтъ вынимаетъ записную книжку. Тишина. Ацетиленъ шипитъ. Похрустываютъ бублики.

Половой приноситъ Поэту бутылку вина и садится на край стула противъ него.

Поэтъ.

Вы послушайте только. Бродить по улицамъ, ловить отрывки незнакомыхъ словъ. Потомъ—прійти вотъ сюда и разсказать свою душу подставному лицу. Потомъ—умереть.

Половой.

Непонятно-съ, но весьма утонченно-съ...

Срывается со стула и бѣжитъ на зовъ посѣтителя. Поэтъ пишетъ въ книжкѣ.

Дѣвушка напѣваетъ.

Какъ люблю я ее...
А она за любовь...

Половой возвращается къ Поэту.

Поэтъ пьетъ.

Видѣть много женскихъ лицъ. Сотни глазъ, большихъ и глубокихъ, синихъ, темныхъ, свѣтлыхъ. Узкихъ какъ глаза рыси. Открытыхъ широко, младенчески. Любить ихъ. Желать ихъ. Не можетъ быть человѣка, который не любитъ. И вы ихъ должны любить.

Половой.

Слушаю-съ.

Поэтъ.

И среди этого огня взоровъ, среди вихря взоровъ, возникнетъ внезапно какъ бы расцвѣтетъ подъ голубымъ снѣгомъ—одно лицо: единственно прекрасный ликъ Незнакомки, подъ густою, темной вуалью... Вотъ качаются перья на шляпѣ... Вотъ узкая рука стянутая перчаткой держитъ шелестящее платье... Вотъ медленно проходитъ она... проходитъ она...

Жадно пьетъ.

Верлэнъ бормочетъ.

И все проходитъ. И каждому—своя забота.

Семинаристъ заплетающимся языкомъ.

Танцовала она, какъ небесный, скажу вамъ, ангелъ, а вы, черти и разбойники, не стоите ея мизинца. А впрочемъ выпьемъ.

Собутыльникъ.

Мичтатель. Оттого и пьешь. И всѣ мы—мичтатели. Поцѣлуй меня дружокъ.

Обнимаются.

Семинаристъ.

И никто ее такъ не полюбитъ, какъ я. И будемъ мы на бѣломъ снѣгу свою грустную жизнь

доживать. Она — плясать, а я — на шарманкѣ играть. И полетимъ. И подъ самый серебряный мѣсяцъ залетимъ. И туда, чортъ возьми, скажу я вамъ, дурацкимъ вашимъ грязнымъ носамъ, милые други, не соваться. И все-таки, я очень васъ люблю и высоко ставлю. Кто изъ одной бутылки не пивалъ, тотъ и дружбы не видалъ.

Всѣ хохочутъ.

Собутыльникъ.

Ай-да Васька! Ужъ очень складно! Поцѣлуемся, дружокъ.

Молодой человѣкъ Гауптману.

Однако жъ, будетъ. Что ей столько на морозѣ дожидать? Замерзнетъ совсѣмъ. Пойдемъ, братъ Костя.

Гауптманъ.

Брось. Если женскому нраву потакать, такъ отъ мужчины ничего не останется—только ему въ рожу плюнуть. Пусть пошляется, а мы еще посидимъ.

Молодой человѣкъ послушался. Всѣ посѣтители пьютъ и хмѣлѣютъ.

Человѣкъ въ желтомъ, трепаномъ пальто, сидѣвшій отдѣльно, встаетъ и обращается къ честной компаніи съ рѣчью.

Человѣкъ въ пальто.

Государи мои! Есть у меня небольшая вещица—весьма цѣнная миніатюра. Вытаскиваетъ изъ кармана камею. Вотъ-съ, не угодно ли: съ одной стороны—изображеніе эмблемы, а съ другой—пріятная дама въ тюникѣ на земномъ шарѣ сидитъ и надъ этимъ шаромъ держитъ скипетръ: подчиняйтесь, молъ, повинуйтесь — и больше ничего!

Всѣ одобрительно смѣются. Нѣкоторые подходятъ и разсматриваютъ камею.

Поэтъ захмѣлѣвшій.

Вѣчная сказка жизни. Это—Она—Міроправительница. Она держитъ жезлъ и повелѣваетъ міромъ. Всѣ мы очарованы Ею.

Человѣкъ въ пальто.

Радъ служить русской интеллигенціи. Дешево продамъ, хотя досталось не дешево, но ужъ, какъ говорится, только по дружбѣ. Вижу, что любитель. Ну такъ, по рукамъ.

Поэтъ даетъ ему монету. Беретъ камею, разсматриваетъ ее. Человѣкъ въ пальто садится на свое мѣсто. Разговоръ продолжается только между двумя сидящими за отдѣльнымъ столикомъ.

Первый беретъ юмористическій журналъ.

А теперь пришло время намъ повеселиться. Ну, Ваня, слушай: Торжественно развертываетъ журналъ и читаетъ. „Любящіе супруги. Мужъ: — Ты, милочка, зайди сегодня къ мамашѣ и попроси ее...“

Заранѣе отчаянно хохочетъ.

Второй.

Ишь, чортъ возьми, здорово!

Первый продолжаетъ читать.

„... И попроси ее.. подарить Катенькѣ куколку...“

Страшно хохочетъ.

Первый читаетъ.

„Жена: — Что ты, милочка! Катенькѣ ужъ скоро двадцать лѣтъ. Еле можетъ прочесть отъ смѣха. Ей ужъ не куколку, а женишка пора подарить“.

Громовой хохотъ.

Второй.

Вотъ такъ здорово!

Первый.

Что называется, отбрила!

Второй.

Чортъ ихъ дери, ловко пишутъ!..

И опять одинокій посѣтитель шаритъ въ посудинѣ. Онъ вытаскиваетъ красныхъ раковъ за клешни. Подержитъ и положитъ. И опять хозяинъ отгоняетъ его.

Поэтъ разсматриваетъ камею.

Вѣчное возращеніе. Снова Она объемлетъ шаръ земной. И снова мы подвластны Ея очарованію. Вотъ она кружитъ свой процвѣтающій жезлъ. Вотъ она кружитъ меня... И я кружусь съ Нею... Подъ голубымъ... подъ вечернимъ снѣгомъ...

Семинаристъ.

Танцуетъ... Танцуетъ... Я на шарманкѣ, а она подъ шарманку кружится... Дѣлаетъ пьяные жесты какъ будто что-то ловитъ. Вотъ, не поймалъ... опять не поймалъ... но и вамъ, черти, не поймать, если ужъ мнѣ не поймать...

Медленно, медленно начинаютъ кружиться стѣны кабачка. Потолокъ наклоняется, одинъ конецъ его протягивается вверхъ безконечно. Корабли на обояхъ, кажется, плывутъ близко. А все не могутъ доплыть. Сквозь смутный общій говоръ, человѣкъ въ пальто, уже присосѣдившійся къ кому-то, кричитъ:

Человѣкъ въ пальто.

Нѣтъ-съ, я любитель! Люблю острый сыръ, знаете, такой круглый! Дѣлаетъ кругообразные жесты. Забылъ названіе.

Его собесѣдникъ неувѣренно.

А вы... пробовали?

Человѣкъ въ пальто.

Что пробовалъ? Вы думаете, нѣтъ? Я рошефоръ кушалъ!

Собесѣдникъ, подъ которымъ качается стулъ.

А знаете... Люксем—бурскій... такъ пахнетъ нехорошо... и шевелится, шевелится... Чмокаетъ губами, шевелитъ пальцами.

Человѣкъ въ пальто вдохновенно встаетъ.

Швейцарскій!.. Вотъ что-съ! Щелкаетъ пальцами.

Собесѣдникъ мигаетъ и сомнѣвается.

Ну, этимъ не удивите...

Человѣкъ въ пальто громко, какъ ружейный залпъ:

Бри!

Собесѣдникъ.

Ну это... это... знаете...

Человѣкъ въ пальто угрожающе.

Что знаете?

Собесѣдникъ уничтоженный.

Все вертится, кажется, перевернется сейчасъ. Корабли на обояхъ плывутъ, вспѣнивая голубыя воды. Одну минуту кажется, что все стоитъ вверхъ ногами.

Верлэнъ бормочетъ.

И всему свой чередъ... И всѣмъ пора итти домой...

Гауптманъ оретъ.

Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьемъ!

Дѣвушка поетъ въ ухо мужчинѣ.

Прощай, желанный мой...

Семинаристъ.

Снѣгъ танцуетъ. И мы танцуемъ. И шарманка плачетъ. И я плачу. И мы всѣ плачемъ.

Поэтъ.

Синій снѣгъ. Кружится. Мягко падаетъ. Синія очи. Густая вуаль. Медленно проходитъ Она. Небо открылось. Явись! Явись!

Весь кабачекъ какъ будто нырнулъ куда-то. Стѣны разступаются. Окончательно наклонившійся потолокъ открываетъ небо — зимнее, синее, холодное. Въ голубыхъ вечернихъ снѣгахъ открывается.

ВТОРОЕ ВИДѢНІЕ.

Тотъ же вечеръ. Конецъ улицы на краю города. Послѣдніе дома, обрываясь внезапно, открываютъ широкую перспективу: темный пустынный мостъ черезъ большую рѣку. По обѣимъ сторонамъ моста дремлютъ тихіе корабли съ сигнальными огнями. За мостомъ тянется безконечная, прямая, какъ стрѣла, аллея, обрамленная цѣпочками фонарей и бѣлыми отъ инея деревьями. Въ воздухѣ порхаетъ и звѣздится снѣгъ.

Звѣздочетъ на мосту.

Ночь полнозвѣздная свѣтла.
У взора—только два крыла.
Но счетъ звѣздамъ вести нельзя—
Туманна млечная стезя,
И бѣдный взоръ туманится...
Кто этотъ пьяница?

Два дворника волокутъ подъ руки пьянаго Поэта.

Разъяренные дворники.

Онъ—посѣтитель кабачка,
И съ нимъ расправа коротка!

Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокутъ Поэта дальше.

Звѣздочетъ.

Восходитъ новая звѣзда.
Всѣхъ ослѣпительнѣй она.
Недвижна темная вода,
И въ ней звѣзда отражена.
Ахъ! Падаетъ, летитъ звѣзда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звѣзда. Черезъ мигъ по мосту идетъ прекрасная женщина въ черномъ, съ удивленнымъ взоромъ расширенныхъ глазъ. Все становится сказочнымъ— темный мостъ и дремлющіе голубые корабли. Незнакомка застываетъ у перилъ моста, еще храня свой блѣдный падучій блескъ. Снѣгъ, вѣчно юный, одѣваетъ ея плечи, опушаетъ станъ. Она, какъ статуя, ждетъ.

Такой же Голубой, какъ она, восходитъ на мостъ изъ темной аллеи. Также въ снѣгу. Также прекрасенъ. Онъ колеблется, какъ тихое, синее пламя.

Голубой.

Въ блескѣ зимней ночи тающая,
Обрати ко мнѣ твой ликъ.

Ты, снѣгами тихо вѣющая,
Подари мнѣ легкій снѣгъ.

Она обращаетъ очи къ нему.

Незнакомка.

Очи—звѣзды умирающія,
Уклонившись отъ пути.
О тебѣ, мой легковѣющій,
Я грустила въ высотѣ.

Его голубой плащъ осыпанъ снѣжными звѣздами.

Голубой.

Въ синевѣ твоей морозной
Много звѣздъ.
Подъ рукой моей желѣзной
Свѣтлый мечъ.

Незнакомка.

Опусти въ рукѣ желѣзной
Свѣтлый мечъ.
Въ синевѣ моей морозной.
Звѣздъ не счесть.

Голубой дремлетъ въ блѣдномъ свѣтѣ. На фонѣ плаща его свѣтится лучъ, какъ будто онъ оперся на мечъ.

Голубой.

Протекали столѣтья, какъ сны.
Долго ждалъ я тебя на землѣ.

Незнакомка.

Протекали столѣтья, какъ миги.
Я звѣздою въ пространствахъ текла.

Голубой.

Ты мерцала съ твоей высоты
На моемъ голубомъ плащѣ.

Незнакомка.

Ты глядѣлся въ мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?

Голубой.

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скованъ мой взоръ.

Незнакомка.

Ты можешь сказать мнѣ земныя слова?
Отчего ты весь въ голубомъ?

Голубой

Я слишкомъ долго въ небо смотрѣлъ:
Оттого—голубые глаза и плащъ.

Незнакомка.

Кто ты?

Голубой.

Поэтъ.

Незнакомка.

О чемъ ты поешь?

Голубой.

Все о тебѣ.

Незнакомка.

Давно ли ты ждешь?

Голубой.

Много столѣтій.

Незнакомка.

Ты мертвъ или живъ?

Голубой.

Не знаю.

Незнакомка,

Ты юнъ?

Голубой.

Я красивъ.

Незнакомка.

Падучая дѣва-звѣзда
Хочетъ земныхъ рѣчей.

Голубой.

Только о тайнахъ знаю слова.
Только торжественны рѣчи мои.

Незнакомка.

Знаешь ты имя мое?

Голубой.

Не знаю—и лучше не знать.

Незнакомка.

Видишь ты очи мои?

Голубой.

Вижу. Какъ звѣзды—они.

Незнакомка.

Ты видишь мой стройный станъ?

Голубой.

Да. Ослѣпительна ты.

Въ голосѣ Ея просыпается страсть земная.

Незнакомка.

Ты хочешь меня обнять?

Голубой.

Я коснуться не смѣю тебя.

Незнакомка.

Ты можешь коснуться устъ.

Плащъ Голубого колеблется, исчезая подъ снѣгомъ.

Незнакомка.

Ты знаешь ли страсть?

Голубой тихо.

Кровь молчалива моя.

Незнакомка.

Ты знаешь вино.

Голубой еще тише.

Звѣздный напитокъ—слаще вина.

Незнакомка.

Ты любишь меня?

Голубой молчитъ.

Незнакомка.

Кровь запѣваетъ во мнѣ.

Тишина.

Незнакомка.

Ядомъ исполнено сердце.
Я стройнѣе всѣхъ вашихъ дѣвъ.
Я красивѣе вашихъ дамъ.
Я страстнѣе вашихъ невѣстъ.

Голубой дремлетъ, весь осыпанный снѣгомъ.

Незнакомка.

Какъ сладко у васъ на землѣ!

Голубого больше нѣтъ. Закрутился голубоватый снѣжный столбъ и, кажется, на этомъ мѣстѣ и не было никого. Зато рядомъ съ Незнакомкой проходящій господинъ приподнимаетъ котелокъ.

Господинъ.

Вы съ кѣмъ-то бесѣду вели?
Но здѣсь не видать никого.
Прелестный вашъ голосъ звучалъ
Въ пространствѣ пустомъ...

Незнакомка.

Гдѣ онъ?

Господинъ.

О, да, безъ сомнѣнія, вы
Кого-то ждали сейчасъ!
Позвольте—нескромный вопросъ...
Кто былъ вашъ незримый другъ?

Незнакомка.

Онъ былъ красивъ. Въ голубомъ плащѣ.

Господинъ.

О, романтика женской души!
И на улицѣ видите вы
Мужчинъ въ голубыхъ плащахъ!
Но какъ же звали его?

Незнакомка.

Онъ назвалъ себя: поэтъ.

Господинъ.

Я тоже поэтъ! я тоже поэтъ!
По крайней мѣрѣ, смотря
Въ прекрасные ваши глаза,
Я могъ бы спѣть вамъ куплетъ:
„Ахъ, какъ ты хороша!“

Незнакомка

Ты хочешь любить меня?

Господинъ.

О, да! И очень не прочь.

Незнакомка.

Ты можешь обнять меня?

Господинъ.

Хотѣлъ бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка.

И, устъ касаясь моихъ,
Ты будешь ласкать меня?

Господинъ.

Пойдемъ, красотка моя!
„Исполню все, что велишь“,
Какъ сказалъ старичекъ Шекспиръ...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзіи очень не чуждъ!

Незнакомка покорно даетъ ему руку.

Господинъ.

Какъ имя твое?

Незнакомка.

Постой.

Дай вспомнить. Въ небѣ, средь звѣздъ,
Не носила имени я...
Но здѣсь, на синей землѣ,
Мнѣ нравится имя „Марія“...
„Марія“—зови меня.

Господинъ.

Какъ хочешь, красотка моя.
Вѣдь мнѣ лишь только бы знать,
Что ночью тебѣ шептать.

Уводитъ Незнакомку подъ руку. Слѣдъ ихъ заметаетъ голубой снѣгъ.

Звѣздочетъ снова на мосту. Онъ—въ тоскѣ. Простираетъ руки въ небо. Поднялъ взоры.

Звѣздочетъ.

Нѣтъ больше прекрасной звѣзды!
Синяя бездна пуста!
Я ритмы утратилъ
Астральныхъ пѣсенъ моихъ!
Отнынѣ рѣжутъ мнѣ слухъ
Дребезжащія пѣсни свѣтилъ!
Сегодня, въ башнѣ моей,
Скорбной рукой занесу
Въ длинные свитки мои
Вѣсть о паденьи свѣтлѣйшей звѣзды...
И тихо ее назову

Именемъ дальнимъ,
Именемъ, нѣжащимъ слухъ:
„Марія"—да будетъ имя ея.
Въ желтыхъ свиткахъ
Начертано будетъ
Моей одинокой рукой;
„Пала Марія—звѣзда.
„Больше не будетъ смотрѣть мнѣ въ глаза.
„Звѣздочетъ остался одинъ!"

Тихо плачетъ. Поэтъ поднимается на мостъ изъ аллеи.

Поэтъ.

О, заклинаю васъ всѣмъ святымъ!
Вашей тоской!
Вашей невѣстой, когда
Есть невѣста у васъ!
Скажите, была ли здѣсь
Высокая женщина въ черномъ?

Звѣздочетъ.

Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщинъ не вижу съ тѣхъ поръ,
Какъ пала моя звѣзда.

Поэтъ.

Понятна мнѣ ваша скорбь.
Я такъ же, какъ вы, одинокъ.

Вы, вѣрно, какъ я,—поэтъ,
Случайно, не видѣли ль вы
Незнакомку въ снѣгахъ голубыхъ?

Звѣздочетъ.

Не помню. Здѣсь многія шли.
И очень прискорбно мнѣ,
Что вашей не могъ я узнать...

Поэтъ.

О, еслибъ видѣли вы,—
Забыли бъ свою звѣзду!

Звѣздочетъ.

Идите своимъ путемъ.
Мнѣ тошно безъ вашихъ словъ.

Поэтъ.

Она въ голубыхъ снѣгахъ,
Какъ павшая съ неба звѣзда!

Звѣздочетъ.

Не вамъ говорить о звѣздахъ;
Черезчуръ легкомысленны вы,
И я попросилъ бы васъ
Въ мою профессію носъ не совать.

Поэтъ.

Всѣ ваши обиды снесу!
Повѣрьте, униженъ я
Ничуть не меньше, чѣмъ вы...
О, еслибъ я не былъ пьянъ,
Я шелъ бы слѣдомъ за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я замѣтилъ Ее...
Потомъ я упалъ въ сугробъ,
Они, ругаясь, ушли,
Рѣшившись бросить меня...
Не помню, долго-ль я спалъ...
Проснувшись, вспомнилъ, что снѣгъ
Замелъ Ея нѣжный слѣдъ!

Звѣздочетъ.

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для васъ;
Дѣйствительно, васъ вели,
Вамъ давали толчки и пинки,
И былъ неувѣренъ вашъ шагъ...
Потомъ, я помню сквозь сонъ,
Какъ на мостъ дама взошла,
И къ ней подошелъ голубой господинъ...

Поэтъ.

О нѣтъ!.. Голубой господинъ...

Звѣздочетъ.

Не знаю, о чемъ говорили они.
Я больше на нихъ не смотрѣлъ.
Потомъ они, вѣрно, ушли...
Я такъ былъ занятъ своимъ...

Поэтъ.

И снѣгъ замелъ ихъ слѣды!..
Мнѣ больше не встрѣтить Ее!
Встрѣчи такія
Бываютъ въ жизни лишь разъ...

Оба плачутъ подъ голубымъ снѣгомъ.

Звѣздочетъ.

Стоитъ ли плакать объ этомъ?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратилъ астральный ритмъ!

Поэтъ.

Я ритмъ души потерялъ.
Надѣюсь, это—важнѣй!

Звѣздочетъ.

Скорбь занесетъ въ мои свитки:
„Пала звѣзда—Марія“!

Поэтъ.

Прекрасное имя: „Марія“!
Я буду писать въ стихахъ:
„Гдѣ ты, Марія?
„Не вижу зари я“.

Звѣздочетъ.

Ну, ваше горе пройдетъ!
Вамъ надо только стихи
Какъ можно длиннѣй сочинять!
О чемъ же плакать тогда?

Поэтъ.

А вамъ, господинъ звѣздочетъ,
Довольно въ свитки свои
На пользу студентамъ вписать:
„Пала Марія—Звѣзда“!

Оба грустятъ подъ голубымъ снѣгомъ. Пропадаютъ въ немъ. И снѣгъ груститъ. Онъ запорошилъ уже и мостъ, и корабли. Онъ построилъ бѣлыя стѣны на канвѣ деревьевъ, вдоль стѣнъ домовъ, на телеграфныхъ проволокахъ. И даль земная, и даль рѣчная поднялись бѣлыми стѣнами, такъ что все бѣло, кромѣ сигнальныхъ огней на корабляхъ и освѣщенныхъ оконъ домовъ. Снѣжныя стѣны уплотняются. Онѣ кажутся близкими одна къ другой. Понемногу открывается.

ТРЕТЬЕ ВИДѢНІЕ.

Большая гостиная комната съ бѣлыми стѣнами, на которыхъ ярко горятъ электрическія лампы. Дверь въ переднюю открыта. Тоненькій звонокъ часто извѣщаетъ о приходѣ гостей. На диванахъ, креслахъ и стульяхъ уже сидятъ хозяева и гости; хозяйка дома—пожилая дама, какъ бы проглотившая аршинъ; передъ нею—корзинка съ бисквитами, ваза съ фруктами и чашка дымящагося чаю; противъ нея—глухой старикъ съ глупымъ лицомъ жуетъ и хлебаетъ. Молодые люди, въ безукоризненныхъ смокингахъ, частью разговариваютъ съ другими дамами, частью толпятся стадами въ углахъ. Общій гулъ безсмысленныхъ разговоровъ.

Хозяинъ дома встрѣчаетъ гостей въ передней и каждому сначала деревяннымъ голосомъ кричитъ: „А—а—а“! а потомъ говоритъ или пошлость, или общее мѣсто. Въ настоящій моментъ онъ занятъ тѣмъ же.

Хозяинъ дома въ передней.

А — а — а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Голосъ гостя.

И холодъ же, доложу я вамъ! Въ шубѣ—и то замерзъ.

Гость сморкается. Такъ какъ разговоръ въ гостиной почему-то исчерпался, слышно, какъ хозяинъ конфиденціально говоритъ гостю:

Хозяинъ.

А гдѣ шили?

Гость.

У Шевалье.

Изъ двери торчатъ фалды хозяйскаго сюртука. Хозяинъ разсматриваетъ шубу.

Хозяинъ.

А сколько платили?

Гость.

Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговоръ, кричитъ:

Хозяйка.

Cher Иванъ Павловичъ! Идите скорѣе! Только васъ и ждали! Вотъ, Аркадій Романовичъ обѣщался намъ сегодня спѣть!

Аркадій Романовичъ, подходя къ хозяйкѣ, дѣлаетъ различные жесты, долженствующіе показать, что онъ невысокаго о себѣ мнѣнія. Хозяйка жестами же старается показать ему обратное.

Молодой человѣкъ Жоржъ.

Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Такъ танцовать, какъ она вчера, значитъ—не имѣть никакого стыда.

Молодой человѣкъ Миша.

Ты, Жоржъ, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюбленъ. Это — для немногихъ. Вспомни, у нея совсѣмъ классическая фигура—руки, ноги...

Жоржъ.

Я пошелъ туда затѣмъ, чтобы наслаждаться искусствомъ. На ножки я могу смотрѣть и въ другомъ мѣстѣ.

Хозяйка.

О чемъ это вы тамъ, Георгій Николаевичъ? Ахъ, о Серпантини! Какой ужасъ, неправда ли? Во-первыхъ—интерпретировать музыку—это ужъ одно—наглость. Я такъ страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтобъ надъ ней надругались. Потомъ—танцовать безъ костюма—это... это я не знаю, что! Я увела мою дочь.

Жоржъ.

Я совершенно согласенъ съ вами. А вотъ, Михаилъ Ивановичъ—другого мнѣнія...

Хозяйка.

Что вы, Михаилъ Ивановичъ! По-моему, здѣсь двухъ мнѣній не можетъ быть! Я понимаю, молодымъ людямъ свойственно увлекаться, но на публичномъ концертѣ... когда ногами изображаютъ Баха... Я сама музыкантша... страстно люблю музыку... Какъ хотите...

Старикъ, сидящій противъ хозяйки, неожиданно и просто выпаливаетъ:

Старикъ.

Публичный домъ.

Продолжаетъ хлебать чай и жевать бисквиты. Хозяйка краснѣетъ и обращается къ одной изъ дамъ.

Миша.

Ахъ, Жоржъ, всѣ вы ничего не понимаете! Развѣ это—интерпретація музыки? Серпантини сама—воплощеніе музыки. Она плыветъ на волнахъ звуковъ и, кажется, самъ плывешь за нею. Неужели тѣло, его линіи, его гармоническія движенія—сами по себѣ не поютъ такъ же, какъ звуки? Тотъ, кто истинно чувствуетъ музыку, не оскорбляется за нее. У васъ отвлеченное отношеніе къ музыкѣ...

Жоржъ.

Мечтатель! Завелъ машину. Строишь какія-то теоріи и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыкѣ даже не говорю, и мнѣ, въ концѣ концовъ, наплевать! И я былъ бы очень радъ видѣть все это въ отдѣльномъ кабинетѣ. Но согласись же, не объявить на афишѣ, что Серпантини будетъ завернута въ одну тряпку,—это значитъ поставить всѣхъ въ пренеловкое положеніе. Еслибъ я зналъ, я не повелъ бы туда мою невѣсту. Миша разсѣянно шаритъ въ корзинѣ съ бисквитами. Послушай, оставь бисквиты. Вѣдь противно ѣсть, если все перетрогаешь. Смотри, какъ на тебя смотритъ кузина. А все оттого, что ты разсѣянъ. Эхъ, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется въ другой уголъ.

Старикъ, внезапно, хозяйкѣ.

Нина! Сиди смирно. У тебя на спинѣ платье разстегнулось.

Хозяйка, вспыхнувъ.

Да, полно, дядя, нельзя же при всѣхъ! Вы слишкомъ... откровенны...

Старается незамѣтно застегнуть платье. Въ комнату впархиваетъ молодая дама, за ней идетъ огромный рыжій господинъ.

Дама.

Ахъ, здравствуйте, здравствуйте! Вотъ, позвольте васъ познакомить: мой женихъ.

Рыжій господинъ.

Очень пріятно.

Угрюмо удаляется въ уголъ.

Дама.

Пожалуйста, не обращайте на него вниманія. Онъ очень застѣнчивъ. Ахъ, представьте, какой случай!..

Торопливо пьетъ чай и шепотомъ разсказываетъ хозяйкѣ что-то пикантное, судя по тому, что обѣ ерзаютъ по дивану и хихикаютъ.

Дама вдругъ оборачивается къ жениху.

У тебя мой платокъ?

Женихъ угрюмо вытаскиваетъ платокъ.

Дама.

Тебѣ жалко, что ли?

Рыжій господинъ неожиданно угрюмо.

Пей, да помалкивай.

Молчатъ. Пьютъ. Вбѣгаетъ молодой человѣкъ и радостно бросается къ другому. Въ послѣднемъ легко узнать того, кто увелъ Незнакомку.

Молодой человѣкъ.

Костя, другъ, да она у дверей дожида...

Запинается на полусловѣ. Все становится необычайно страннымъ. Какъ будто всѣ эти глупые сытые люди внезапно вспомнили, что гдѣ-то произносились тѣ же слова и въ томъ же порядкѣ. Михаилъ Ивановичъ смотритъ странными глазами на Поэта, который входитъ въ эту минуту. Поэтъ, блѣдный, дѣлаетъ общій поклонъ на порогѣ притихшей гостиной.

Хозяйка съ натянутымъ видомъ.

Мы только васъ и ждали. Надѣюсь, вы прочтете намъ что-нибудь. Сегодня престранный вечеръ! Наша мирная бесѣда не клеится.

Старикъ выпаливаетъ.

Точно кто-нибудь умеръ. Богу душу отдалъ.

Хозяйка.

Ахъ, дядя, перестаньте! Вы всѣхъ окончательно спугнете... Господа! Обновимъ нашъ разговоръ... Поэту. Вы прочтете намъ что-нибудь, неправда ли?

Поэтъ.

Съ удовольствіемъ... если это займетъ...

Хозяйка.

Господа! Молчаніе! Нашъ прекрасный поэтъ прочтетъ намъ свое прекрасное стихотвореніе, и, надѣюсь, опять о прекрасной дамѣ...

Всѣ замолкаютъ. Поэтъ становится у стѣны, прямо противъ двери въ переднюю, и читаетъ:

Поэтъ.

Уже сбѣгали съ плитъ снѣга,
Блестѣли, обнажаясь, крыши,
Когда въ соборѣ, въ темной нишѣ,
Ея блеснули жемчуга.
И отъ иконы въ нѣжныхъ розахъ
Медлительно сошла Она...

Тоненькій звонокъ въ передней. Хозяйка умоляюще складываетъ руки по направленію къ Поэту. Онъ прерываетъ чтеніе. Всѣ съ любопытствомъ заглядываютъ въ переднюю.

Хозяинъ.

Сію минуту. Прошу извиненія.

Выходитъ въ переднюю, но не кричитъ тамъ: „А—а—а!“ Молчаніе.

Голосъ хозяина.

Чѣмъ могу служить?

Красивый женскій голосъ отвѣчаетъ что-то. Хозяинъ появляется на порогѣ.

Хозяинъ.

Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вѣроятно къ тебѣ. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во всѣ стороны. Хозяйка идетъ въ переднюю и запираетъ за собой дверь. Гости шепчутся.

Молодой человѣкъ въ углу.

Да не можетъ быть...

Другой, прячась за него.

Да увѣряю тебя... вотъ скандалъ!.. Я слышалъ ея голосъ...

Поэтъ стоитъ неподвижно противъ дверей. Двери открываются. Хозяйка вводитъ Незнакомку—въ черномъ.

Хозяйка.

Господа, пріятный сюрпризъ. Моя очаровательная новая знакомая. Надѣюсь, мы примемъ ее съ радостью въ нашъ дружескій кружокъ. Марія... извините, я не разслышала, какъ васъ называть?

Незнакомка.

Марія.

Хозяйка.

Но... ваше отчество?

Незнакомка.

Марія. Я зову себя: Марія.

Хозяйка.

Хорошо, милочка. Я буду звать васъ: Мэри. Въ васъ есть нѣкоторая эксцентричность, неправда-ли? Но тѣмъ веселѣе мы проведемъ сегодняшній вечеръ съ нашей восхитительной гостьей? Неправда ли, господа?

Всѣ сконфужены. Неловкое молчаніе. Хозяинъ замѣчаетъ, что одинъ изъ гостей проскользнулъ въ переднюю, и выходитъ за нимъ. Слышенъ извиняющійся шопотъ, слова: „не совсѣмъ здоровъ". Поэтъ стоитъ неподвижно.

Хозяйка.

Итакъ, можетъ быть, нашъ прекрасный поэтъ продолжитъ прерванное чтеніе? Дорогая Мэри, когда вы вошли, нашъ извѣстный поэтъ какъ разъ читалъ намъ... читалъ намъ...

Поэтъ.

Простите. Позвольте мнѣ прочесть въ другой разъ. Я такъ извиняюсь.

Никто не выражаетъ неудовольствія. Поэтъ подходитъ къ хозяйкѣ, которая нѣкоторое время дѣлаетъ умоляющіе жесты, но скоро перестаетъ. Поэтъ спокойно садится въ дальній уголъ. Задумчиво смотритъ на Незнакомку.

Горничная разноситъ, что полагается. Изъ общаго безсмысленнаго говора вырывается хохотъ, отдѣльныя слова и цѣлыя фразы;

Нѣтъ, какъ она танцовала! Да ты послушай! Русская интеллигенція...

Кто-то особенно громко.

Да и вамъ не поймать! Да и вамъ не поймать!

Всѣ забыли о Поэтѣ. Онъ медленно поднимается со своего мѣста. Онъ проводитъ рукою по лбу. Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по комнатѣ. По лицу его замѣтно, что онъ съ мучительнымъ усиліемъ припоминаетъ что-то. Въ это время, изъ общаго говора доносятся слова: „рокфоръ“, „каманберъ“. Вдругъ толстый человѣкъ, въ страшномъ увлеченіи, дѣлая кругообразные жесты, выскакиваетъ на середину комнаты съ крикомъ:

Бри!

Поэтъ сразу останавливается. Мгновеніе кажется, что онъ вспомнилъ все. Онъ дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ въ сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняетъ Звѣздочетъ, въ голубомъ вицъ-мундирѣ входящій изъ передней.

Звѣздочетъ.

Извините, я въ вицъ-мундирѣ и запоздалъ. Прямо изъ засѣданія. Пришлось дѣлать докладъ. Астрономія...

Поднимаетъ палецъ кверху.

Хозяинъ, подходя.

Вотъ и мы только что говорили о гастрономіи. Ниночка, не пора ли ужинать?

Хозяйка встаетъ.

Господа! Прошу васъ!

Всѣ выходятъ вслѣдъ за нею. Въ потемнѣвшей гостиной остаются нѣкоторое время Незнакомка, Звѣздочетъ и Поэтъ. Поэтъ и Звѣздочетъ стоятъ въ дверяхъ, готовые выйти. Незнакомка медлитъ въ глубинѣ у темной, полуоткрытой занавѣси окна.

Звѣздочетъ.

Намъ опять привелось встрѣтиться съ вами. Я очень радъ. Но пусть обстоятельства нашей первой встрѣчи останутся между нами.

Поэтъ.

Прошу о томъ же и васъ.

Звѣздочетъ.

Я только что сдѣлалъ докладъ въ астрономическомъ обществѣ—о томъ, чему вы были невольнымъ свидѣтелемъ. Поразительный фактъ: звѣзда первой величины...

Поэтъ.

Да, это очень интересно.

Звѣздочетъ восторженно.

Да! Я занесъ въ мои списки новый параграфъ: «Пала звѣзда Марія!» Наука въ первый разъ... Ахъ, извините, что я не спрашиваю васъ о результатахъ вашихъ поисковъ...

Поэтъ.

Поиски мои были безрезультатны.

Онъ оборачивается въ глубь комнаты. Безнадежно смотритъ. На лицѣ его—томленіе, въ глазахъ пустота и мракъ. Онъ шатается отъ страшнаго напряженія. Но онъ все забылъ.

Хозяйка на порогѣ.

Господа! Идите же въ столовую! Я не вижу Мэри... грозитъ имъ пальцемъ. Ахъ, молодые люди!

Вы спрятали куда-нибудь мою Мэри? Всматривается въ глубь комнаты. Гдѣ же Мэри? Да гдѣ же Мэри?

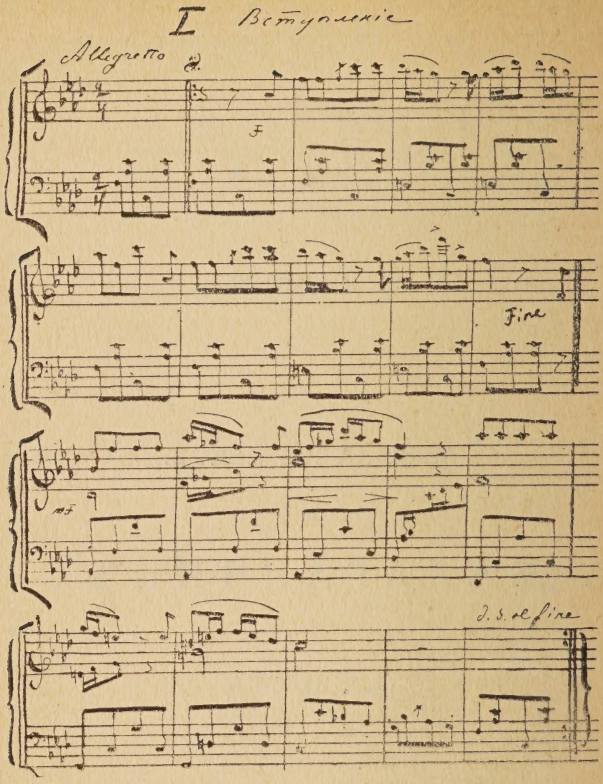
У темной занавѣси уже нѣтъ никого. За окномъ горитъ яркая звѣзда. Падаетъ ласково голубой снѣгъ, такой же голубой, какъ вицъ-мундиръ исчезнувшаго Звѣздочета.

М. КУЗМИНЪ.

МУЗЫКА КЪ ПЬЕСѢ.

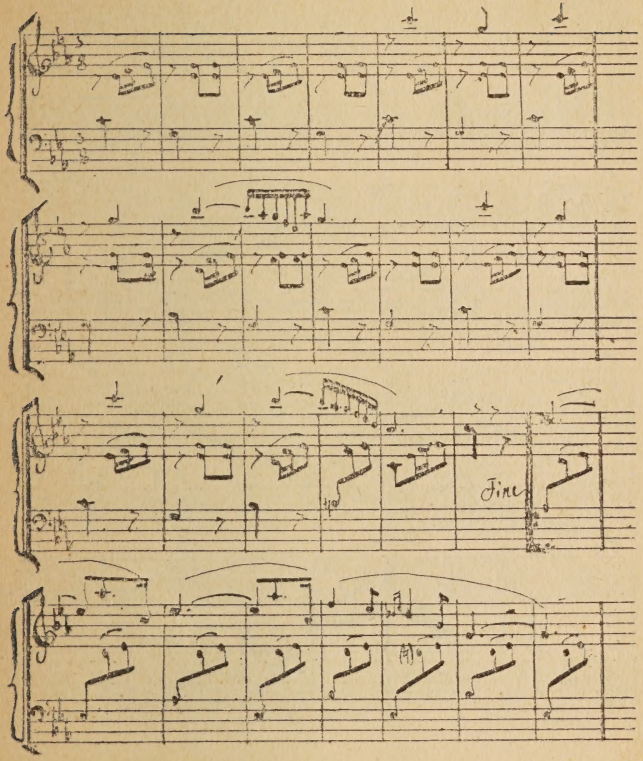
„БАЛАГАНЧИКЪ“.

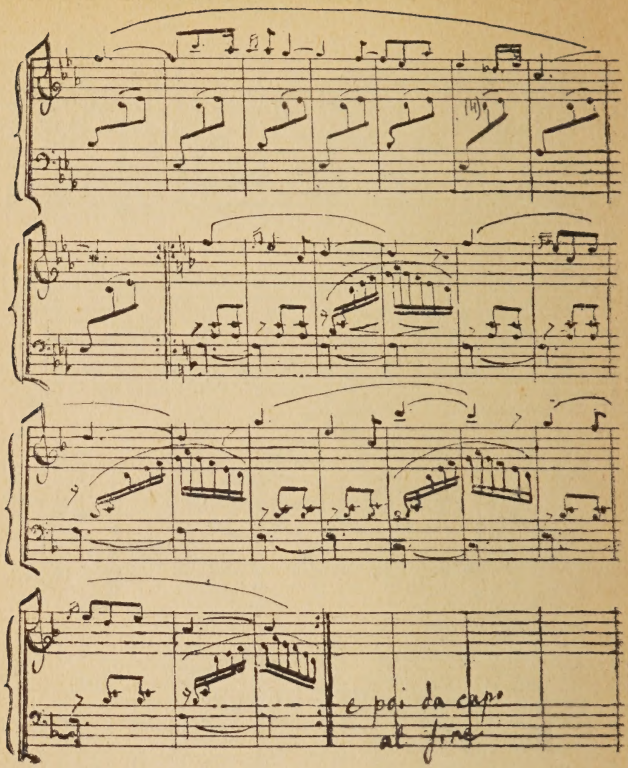
АЛ. БЛОКА.

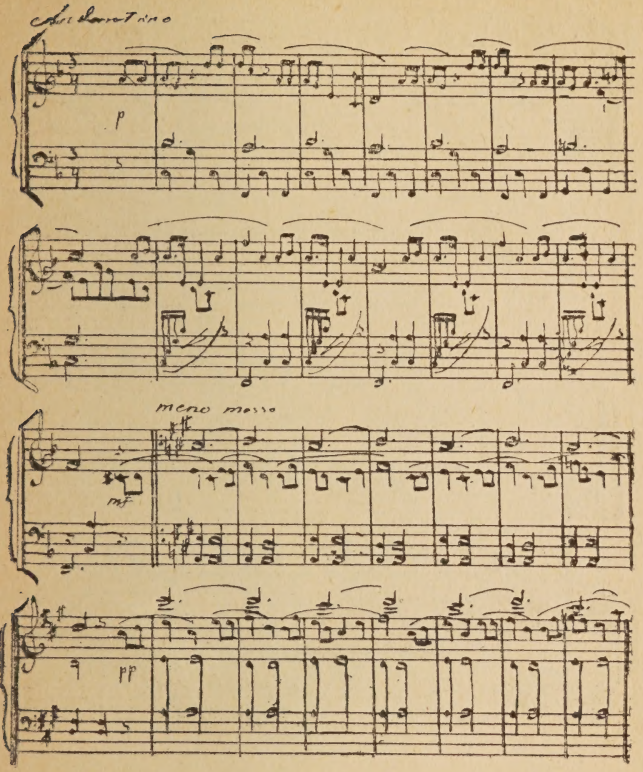

I
Allegretto
F
Fine
mf
D. S. al fine

II Вальсъ масокъ

Fine




e poi da capo
al fine



3. Первые влюбленные

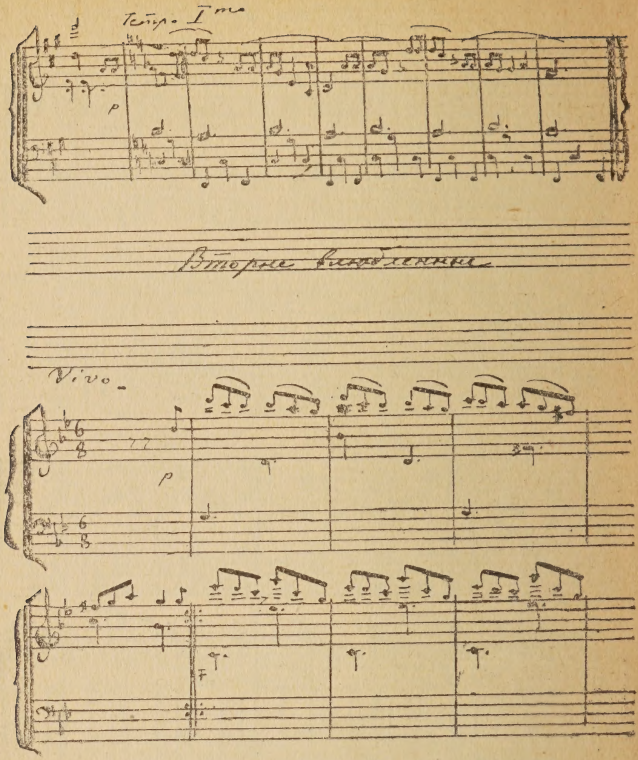
Andantino

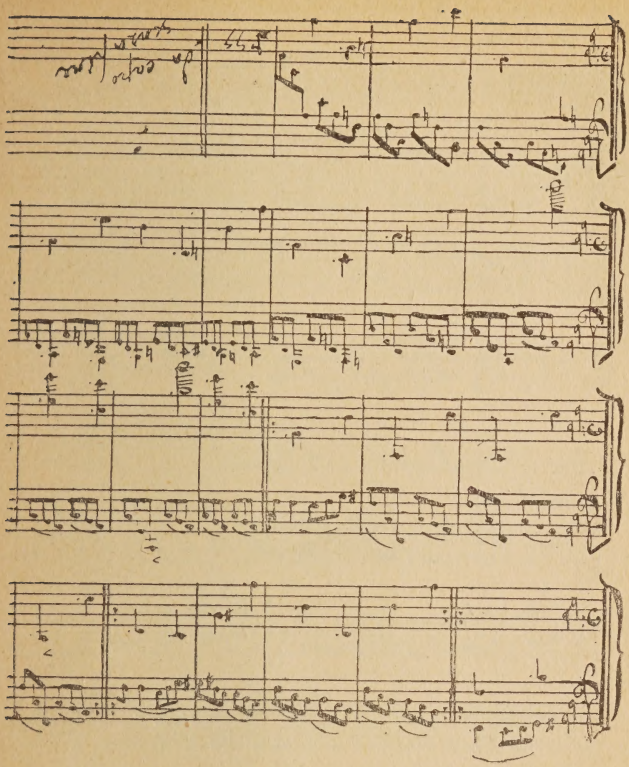
p

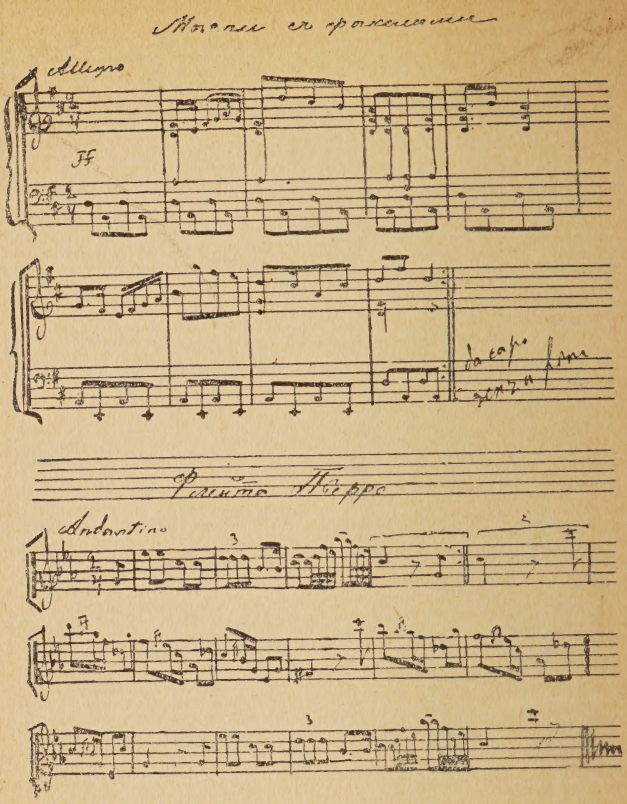
meno mosso

mf

pp


Темп. I^mo
p
Второе исполнение
Vivo
p




Allegro
ff
Andantino

КНИГИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Фаина. Современная трагедія въ пяти актахъ *(готовится)*.

Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обложка В. В. Владимірова. Москва. 1904. К-во „Грифъ“. 1 рубль.

Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. Украшенія В. Д. Миліоти. Москва. 1908. К-во „Скорпіонъ“. 1 р. 50 к.

Снѣжная Маска. Третья книга стиховъ. Фронтисписъ Л. С. Бакета. Спб. 1907. К-во „Оры“ *(распродана)*.

Дѣва снѣжныхъ вихрей. Четвертая книга стиховъ *(готовится)*.

Морисъ Митерлинкъ. Драмы и статья о театрѣ. Переводъ и вступительная статья Александра Блока *(готовится въ к-вѣ „Пантеонъ“)*.

Генрихъ Гейне. Книга пѣсенъ. Переводъ *(тамъ-же)*.

Дѣйство о Теофилѣ. Миракль Рютбефа, трувера XIII вѣка (представлено въ „Старинномъ театрѣ“). Переводъ въ стихахъ *(готовится)*.

Поэзія заговоровъ и заклинаній. Глава изъ „Исторіи русской литературы“ подъ ред. Е. В. Аничкова (изд. Сытина, выпускъ I).

Книга **„Сказокъ о Венгерской Графинѣ“** *(готовится)*.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000165285 80